63.3(2)
К-17

Каландадзе и Вл. Мхеидзе.

ОЧЕРКИ

РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГУРІИ.

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ

Книгоиздательство
„ЭПОХА".

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

3295

ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЛЬДѢ

ОТАЛИЦКОГО

Проф. Клоссовскій и Др. Мюллеръ.

ОДЕССКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

9(47)8 63.3(2)
К17
ПРОВЕРЕНО 1939 г.
1953
91
1965
80
50121
ПРОВЕРЕНО ПЕРЕУЧЕТ 1965 г.

Варл. Каландадзе и Вл. Мхеидзе.

ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГУРІИ.

Инв. 3295
№ 50121

Книгоиздательство
„ЭПОХА“.

Цѣна 25 коп.

Инв. 3295

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906

R 9(47)
1710

1941

1407.
393
K. 16.

Типографія Бусселя, Садовая, 61

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1933 г.

Кто не слышалъ о стойкой борьбѣ гурійскаго крестьянства за землю и волю, за права трудящихся?

Вѣсти о движеніи въ Гуріи*) доходили и до Россіи, до русскаго народа, но онѣ даютъ лишь слабое представленіе объ истинномъ характерѣ, о размѣрахъ и глубинѣ этого движенія.

Отличительной чертой его является тѣсная связь съ движеніемъ городского пролетаріата, не только личная—черезъ гурійцевъ городскихъ рабочихъ, но и по внутреннему содержанію, пріемамъ борьбы и формамъ организаціи; во главѣ крестьянскаго движенія въ Гуріи съ самаго начала встала партія пролетаріата—соціальдемократическая партія,—которая нашла здѣсь хорошо подготовленную почву для пропаганды не только идей политической свободы и борьбы, но и соціалистическаго ученія.

Громадное большинство гурійскаго крестьянства — не самостоятельные хозяева, это скорѣе полупролетаріи или даже настоящіе пролетаріи; ихъ земледѣльческое хозяйство, при тѣхъ земельныхъ отношеніяхъ, какія сложились послѣ уничтоженія крѣпостного права, въ самомъ лучшемъ случаѣ даетъ возможность только лишь не умереть съ голода.

---

*) Гурія представляетъ собою маленькій уголокъ Западной Грузіи. Ея границами служатъ: съ востока—Гурійско-Аджарскія горы, съ юга—тотъ-же хребетъ и рѣка Чолоки, съ Запада—Черное море и съ сѣвера—Нигоитскій хребетъ и рѣка Ріонъ. Всего насчитывается въ ней около 100 тысячъ населенія, живущаго въ 25 обществахъ (въ каждомъ обществѣ—по нѣсколько селеній) Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

Гакія селенія, какъ Хидистави, Амаглеба, Суреби, Чохатаури и пр., отсылаютъ большую часть своихъ рабочихъ рукъ въ промышленные центры Кавказа, главнымъ образомъ въ Батумъ, Поти, Новороссійскъ. Гурійцы составляютъ значительную часть промышленныхъ рабочихъ по всему побережью Чернаго моря; много ихъ идетъ и на бакинскіе промысла, а также въ Тифлисъ и другіе города. Нужда разбросала ихъ по всей Россіи и загнала даже на востокъ Азіи, гдѣ ихъ насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ душъ.

Такимъ образомъ, движеніе гурійскаго крестьянства вызвано глубокими соціальными причинами. Но, вставши на борьбу за лучшую долю, они встрѣтились лицомъ къ лицу съ злѣйшимъ врагомъ всего трудящагося народа—самодержавной бюрократіей. Борьба съ этимъ врагомъ и и заняла все вниманіе и силы гурійцевъ за послѣдніе два—три года.

Стойкость и единодушіе ихъ въ этой борьбѣ должна послужить примѣромъ для всѣхъ обиженныхъ и обездоленныхъ и влить въ ихъ сердца надежду на лучшее будущее на скорое освобожденіе отъ гнета безправія и нищеты.

Съ другой стороны, гурійское движеніе дало яркій примѣръ того, какую крупную роль можетъ и долженъ сыграть городской пролетаріатъ, объединенный подъ знаменемъ соціаль-демократической партіи, въ дѣлѣ освобожденія и просвѣщенія широкихъ массъ сельскихъ рабочихъ и мелкаго земледѣльческаго крестьянства.

1. Экономическое и политическое положеніе крестьянства.

Какъ же жили до сихъ поръ гурійскіе крестьяне? Кто хоть разъ проходилъ по гурійской деревнѣ и сколько нибудь всматривался въ жизнь гурійцевъ, тотъ легко долженъ былъ замѣтить, какая тяжелая, невыносимая нужда царитъ среди нихъ. День и ночь работаютъ, полуголодные, и вознагражденіе за все это — нищета, безысходная бѣдность. Пойдите на собраніе крестьянъ: вы увидите угрюмыя безнадежныя лица, на которыхъ лежитъ печать глубокихъ страданій; вы замѣтите, что всѣ присутствующіе находятся въ глубокой нуждѣ, что жизнь схватила ихъ за горло своею суровою рукою и грозитъ ежеминутно задушить.

Заботы о томъ, чѣмъ завтра прокормить семейство, что заплатить стоящему у дверей чиновнику, священнику, ростовщику — не даютъ покоя крестьянину. Спитъ онъ или бодрствуетъ, ходитъ или сидитъ,—всегда и вездѣ встаетъ передъ иимъ грозный призракъ нужды. Посмотрите на его жилье со стороны, — вы подумаете, что не совсѣмъ еще разорена деревня. Но войдите въ самое помѣщеніе: тамъ вся обстановка свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности. Присмотритесь, чѣмъ питаются крестьяне въ продолженіе цѣлаго года: кукурузный хлѣбъ (чурекъ) и лобія—вотъ ихъ главная пища; изрѣдка увидите на столѣ сыръ — это уже почти роскошь. Зайдите къ кому нибудь изъ нихъ, какъ гость и вы увидите, какъ замужнія женщины и дѣвицы откапываютъ изъ завѣтныхъ угловъ свою обувь: обычно онѣ ходятъ босикомъ, сберегая обувь лишь для особо важныхъ случаевъ. Распросите крестьянина о его жизни —вы услышите душу раздирающій разсказъ:

— „Что дѣлать не знаемъ“,- -говоритъ одинъ,—„голодомъ

измученная душа не хочетъ разстаться съ тѣломъ. Мы работаемъ безъ конца, а все, что добываемъ, достается другимъ. Вечеромъ не хочется видѣть утра и утромъ—вечера"...

— „Смерть въ десять разъ лучше нашей жизни", услышите отъ другого, и т. д.

Чѣмъ вызвано это невыносимое экономическое положеніе крестьянина?

Двѣ трети земли, годной для воздѣлыванія, находится въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ-дворянъ и казны и только остальная треть принадлежитъ крестьянамъ. Но что значитъ это „принадлежитъ"? Всѣ крестьяне дѣлятся по отношенію къ владѣнію землей на нѣсколько группъ. Около половины домохозяевъ еще находится почти въ полной крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, это—временно обязанные, не выкупившіе своихъ надѣловъ; ихъ обираютъ на самомъ „законномъ" основаніи. Тѣ-же, кому посчастливилось обзавестись собственнымъ клочкомъ земли, принуждены все равно арендовать землю у того же помѣщика и влѣзать въ кабалу, или же бросать ее и идти продавать свою рабочую силу въ городахъ. Кромѣ того, самый выкупъ, часто принудительный, вгоняетъ ихъ въ долги ростовщику, такъ какъ добыть нужную сумму больше неоткуда. Нерѣдки также случаи, когда помѣщикъ, получивъ за землю трудомъ сколоченную сумму, оказывался потомъ снова хозяиномъ этой земли,—суда искать на него трудно! Слѣдующая группа — это казенные или государственные крестьяне. Они пользуются такими же клочками земли, какъ и прочіе крестьяне, но въ дѣйствительности положеніе ихъ еще хуже. Если крестьянинъ, выкупившій свой надѣлъ, можетъ по крайней мѣрѣ распорядиться своимъ клочкомъ, какъ ему угодно—сдать, продать, то у казеннаго нѣтъ и такого утѣшенія. Это вѣчный арендаторъ, привязанный къ землѣ крайней нуждой и невозможностью про-

кормить себя и семью, помимо отведеннаго ему казной куска земли, отведеннаго при томъ за непомѣрные платежи.

Наконецъ,—такъ называемые хизаны. Они не были крѣпостными, но не были никогда и свободными. Когда-то, давно ихъ предки пришли въ Грузію и поселились на земляхъ помѣщиковъ, на правѣ вѣчной аренды и слѣдовательно—вѣчной кабалы. За землю они отбываютъ извѣстныя повинности, какія захочетъ помѣщикъ, платятъ массу всевозможныхъ налоговъ въ его же пользу, натурой и деньгами. Своей земли у хизана нѣтъ и слѣдовательно волей-неволей ему приходится впрягаться въ то ярмо, которое наложитъ на него помѣщикъ или же бросать деревню.

Гуріецъ-крестьянинъ въ среднемъ имѣетъ не болѣе 2—3 кцевъ (1800—2700 кв. с.) пахатной земли, которая-при всемъ стараніи земледѣльца не въ состояніи прокормить его семью. За отсутствіемъ средствъ, онъ не въ состояніи хорошо воздѣлать землю, удобрить ее и вообще ввести какія бы то ни было улучшенія въ своемъ хозяйствѣ. При такихъ условіяхъ ему неизбѣжно приходится наниматься въ батраки къ помѣщику, или увеличить свою запашку арендой, или же отправиться въ городъ искать себѣ заработка. За послѣдніе 10 лѣтъ замѣчается сильное бѣгство крестьянъ изъ деревень въ города. Изъ нѣкоторыхъ деревень почти добрая половина уже ушла въ городъ; отправляется туда въ особенности молодежь, а въ деревняхъ остаются женщины, старики и дѣти.

И разъ кто ушелъ въ городъ, онъ рѣдко возрващается обратно въ село. Городская жизнь все болѣе и болѣе притягиваетъ и располагаетъ къ себѣ, и у крестьянина теряется всякая охота влачить полуголодное существованіе при каторжномъ трудѣ на своемъ клочкѣ земли. Но, съ другой стороны, въ послѣднее время въ городахъ все болѣе увеличивается число безработныхъ; это вынуждаетъ многихъ возвращаться опять въ деревню, въ прежнюю

убогую обстановку. Возвратившійся въ деревню, рабочій находитъ тотъ-же ничтожный клочекъ земли, — собственной или арендованной земли; если у него есть собственная земля, то побившись на ней нѣкоторое время, онъ неизбѣжно принужденъ арендовать землю у помѣщика, а арендовать — это значитъ работать на другихъ, самому-же жить впроголодь.

Здѣсь наперед уже опредѣлена арендная плата, которую крестьянинъ долженъ дать помѣщику за землю. За кцеву пахатной земли нерѣдко приходится платить 12—25 пудовъ кукурузы, смотря по качеству земли, при среднемъ сборѣ съ кцевы отъ 20 до 35 пудовъ.

Въ старину, при существованіи натуральнаго хозяйства, помѣщики менѣе тяжкимъ бременемъ висѣли на шеѣ народа, чѣмъ теперь. Капитализмъ непомѣрно развилъ аппетиты помѣщиковъ; чѣмъ больше дерутъ они съ своихъ данниковъ-крестьянъ за сданную имъ землю, тѣмъ больше на рынкѣ получаютъ они денегъ, а деньги не знаютъ мѣры. Развились и ихъ собственныя потребности и привычки и все это можетъ быть покрыто, конечно, только доходомъ съ имѣнія. Въ урожайный годъ еще, быть можетъ, останется что либо у крестьянина, но въ годъ неурожайный онъ встрѣчаетъ осень съ совершенно пустыми руками. Нерѣдко приходится еще самому приплачивать; въ 1902 г. часто были случаи, когда крестьяне изъ собственныхъ средствъ, путемъ займа, удовлетворяли ненасытныхъ помѣщиковъ. Для опредѣленія арендной платы здѣсь существуетъ еще такъ называемая оцѣночная система. Управляющіе помѣщиковъ обходятъ пахатныя земли и во сколько они оцѣнятъ, столько и долженъ платить крестьянинъ; если не подкупить управляющаго, такъ онъ двѣ трети урожая возьметъ для помѣщика.

Добавьте къ этому еще то, что сверхъ натуральной платы, помѣщикъ беретъ еще и денежную (обычно — рубль

съ кцевы); затѣмъ — плату за пастбища, которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ у крестьянъ, плату за покосъ — и вамъ станетъ ясно стѣсненное положеніе гурійскаго крестьянина. Мало этого, на немъ лежатъ высокіе, сравнительно съ его доходомъ, государственные налоги, налоги въ пользу духовенства и масса натуральныхъ повинностей, какъ исправленіе дорогъ, караулы, содержаніе лошадей для разъѣздовъ чиновниковъ. „Этими лошадьми пользуются какіе-то чиновники," разсказывалъ депутатъ общества Бахли, „и ихъ родные-знакомые, которые безбожно обращаются съ чужимъ добромъ, отчего лошади часто погибаютъ. Мы-же, крестьяне, обязаны при этомъ оберегать ихъ по дорогѣ, въ горахъ и дачныхъ мѣстахъ, гоняться за ними пѣшкомъ съ ихъ вещами на спинѣ, когда они изволятъ разъѣзжать верхомъ"...

А что такое сельское самуправленіе? Крестьяне выбрали старшину или судью, но если онъ не нравится приставу или уѣздному начальнику, — его не утвердятъ: желанія сельскаго схода не примутъ во вниманіе, хотя не имѣютъ на это права даже по существующему русскому закону. Но кто считается съ закономъ? Для самодержавнаго правительства развѣ писанъ законъ!?

На сельскомъ сходѣ или въ канцеляріи (сельскомъ правленіи) стоитъ приставъ съ плетью въ рукѣ, готовый пустить ее въ ходъ при первомъ удобномъ случаѣ; и крестьянскія спины должны были принимать удары, но не потому, чтобы крестьяне чтили въ его лицѣ власть, а потому, что за спиной пристава стоитъ вооруженная сила. Только дружное объединеніе могло потомъ побѣдить эту силу.

Далѣе, сколько было примѣровъ, когда какой либо обанкротившійся дворянинъ или князь самъ сжигалъ свой домъ, чтобы получить 200—300 рублей штрафа съ крестьянъ, которыхъ онъ же и обвинялъ въ поджогѣ! Сами власти — старшина, приставъ и уѣздный начальникъ — занимаются

всровствомъ и всѣ воры и разбойники находятъ у нихъ пріютъ и защиту. Пропало что нибудь, --сельчане отвѣчаютъ: нуждается ли кто изъ крестьянъ въ разрѣшеніи какого либо дѣла, его не удовлетворятъ, пока не подкупитъ чиновника: чтобы достать паспортъ, нужно возиться цѣлую недѣлю, угощать старшину и писаря: обидѣлъ кто и обокралъ васъ, не ждите суда и расправы надъ виновникомъ: хорошо, если и пострадавшаго не арестуютъ! Какой либо проходимецъ, попавшій въ помощники старшины, воленъ сдѣлать съ крестьяниномъ все, что ему угодно.

Таковы условія, въ которыхъ влачило свою жизнь громадное большинство гурійскаго крестьянства. Плохое платье и питаніе, на половину разрушенныя, дымящіяся избы, ежедневный продолжительный трудъ, частыя заболѣванія и преждевременная смерть вотъ картина сельской жизни.

II. Волненія въ Батумѣ и неурожай 1901 года: начало движенія.

1902 годъ былъ въ высшей степени важенъ для Кутаисской губерніи. Онъ во многихъ мѣстахъ нарушилъ прежнюю тишину могилы. Скромный и смирный дотолѣ житель превратился въ безустаннаго, смѣлаго и непримиримаго борца за правду, свободу и честь. Кто могъ подумать, что вчерашній безотвѣтный рабъ — сегодня заявитъ о своихъ гражданскихъ правахъ и потребуетъ своей доли на жизненномъ пиру?

Въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1902 года въ Батумѣ начались грандіозныя забастовки. Причиной забастовокъ было, между прочимъ, увольненіе съ фабрикъ 366 рабочихъ, какъ лицъ „неблагонадежныхъ“. Требованія рабочихъ не были удовлетворены. Напротивъ, правительство вмѣшалось въ это дѣло и въ одну ночь арестовало до 60 рабочихъ, какъ главарей „бунта“. Это еще болѣе ожесто-

чилъ рабочихъ; 8 марта они направились къ тюрьмѣ-крѣпости, но ничего не добились. Попытка освсбодить арестованныхъ товарищей была повторена и 9 марта. но скончилась убійствомъ 19 рабочихъ и преданіемъ суду тѣхъ. кто былъ взятъ раненымъ на полѣ битвы. Но правительство этимъ не ограничилось; оно пустило въ ходъ весьма опасную для него мѣру: высылку рабочихъ на родину. по деревнямъ. Цѣлый мѣсяцъ не прекращалось выселеніе ихъ въ деревни этапнымъ порядкомъ. Добрую половину батумскихъ рабочихъ составляли гурійцы, поэтому то въ Озургетскій уѣздъ было выслано больше всего рабочихъ.

Вотъ этотъ-то фактъ и сыгралъ въ высшей степени важную роль въ дѣлѣ пробужденія революціоннаго духа полупролетарскихъ массъ гурійскаго крестьянства. Гурійцы-рабочіе, проникнутые въ значительной своей части духомъ соціалистическаго ученія подъ вліяніемъ пропаганды соціальдемократіи, внесли новую, освѣжающую струю въ затхлую атмосферу деревни. Смутнсе, но глубокое чувство недовольства крестьянской массы всѣмъ существующимъ укладомъ жизни они превратили въ могучее стремленіе совмѣстной, организованной борьбой свалить опоры этого уклада.

Крестьяне-земледѣльцы и раньше съ сочувствіемъ смотрѣли на борьбу рабочихъ въ городахъ за лучшее будущее; теперь-же они на дѣлѣ убѣдились въ томъ, что не ошиблись въ своемъ сочувствіи.

Разбросанные по деревнямъ рабочіе выясняли крестьянамъ свои требованія, предъявленныя капиталистамъ и администраціи, излагали передъ ними соціальдемократическую программу, распространяли литературу и прокламаціи. До высылки рабочихъ, въ деревняхъ рѣдко можно было встрѣтить подпольныя изданія; теперь, наоборотъ,

рѣдкое семейство не имѣло у себя прокламацій и подпольныхъ брошюръ.

Крестьянство быстро революціонизировалось. Этому способствовали еще и тѣ чрезвычайныя бѣдствія, которыя обрушились на населеніе послѣ неурожайнаго 1901 года. Этотъ годъ былъ въ высшей степени несчастнымъ для крестьянина-земледѣльца. Урожай былъ настолько плохъ, что сплошь и рядомъ не покрывалъ даже арендной платы; многимъ арендаторамъ пришлось доплачивать помѣщику изъ своего скуднаго сторонняго заработка или влѣзать въ долги къ ростовщику.

Еще въ началѣ мая 1902 года произошло нѣсколько схватокъ съ помѣщиками въ селѣ Нигоити, гдѣ больше всего ощущался недостатокъ земли. Здѣшніе помѣщики, князя Мачутадзевы, и ихъ управляющіе крайне притѣсняли крестьянъ: взыскивали половину урожая съ арендованныхъ земель, обложили большими налогами пастбищныя мѣста и пр. Крестьяне и раньше имѣли столкновенія съ ними, и споръ, возникшій въ 1902 году по поводу пастбищныхъ мѣстъ былъ результатомъ давно накопившагося недовольства. Всякій, сколько нибудь внимательный человѣкъ могъ замѣтить, что оно было вызвано не какимъ либо особымъ положеніемъ дѣлъ въ Нигоити: такъ же обстояло дѣло и въ другихъ деревняхъ.

Это стихійное, неорганизованное движеніе нуждалась въ руководителяхъ, которые могли-бы направить накопившееся недовольство по одному руслу. Къ этому времени въ деревняхъ уже образовались группы интеллигентовъ. Первоначальной цѣлью этихъ группъ было распространеніе литературы; поддерживая связь съ городскими организаціями и получая оттуда нелегальную литературу, интеллигенты распространяли ее среди крестьянъ; на ряду съ этимъ велась, конечно, и устная пропаганда, но она носила сначала чисто личный, случайный характеръ. Событія въ Ни-

гили дали поводъ замѣшаться въ распрю между крестьянами и помѣщиками. Въ Нигоити устроенс было нѣсколько тайныхъ сходокъ, говорились рѣчи о положеніи всего гурійскаго крестьянства, производившія сильнсе впечатлѣніе на сельчанъ. Вѣсть объ этомъ скоро облетѣла другія селенія и во многихъ мѣстахъ заявляли желаніе, чтобы и у нихъ были устроены такія же бесѣды. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія въ селс „студента", какъ онъ называлъ пропагандиста. Въ немъ видѣли непобѣдимую силу. И съ этого времени собранія по селамъ слѣдовали одно за другимъ. Какая жажда свѣта у этихъ забитыхъ бѣдняковъ! Какое непреодолимое стремленіе узнать, наконецъ, гдѣ же корень всѣхъ золъ жизни и гдѣ лежитъ тотъ путь, который выведетъ изъ невыноссимаго положенія... Въ началѣ мая было устроенс собраніс въ Микель-Габріельскомъ обществѣ. Мѣсто было выбрано за селомъ, въ лѣсу. Когда пропагандисты подошли къ нему, передъ ними открылась великолѣпная картина. На рѣдкость тихій вечеръ, прозрачное небо. На возвышенномъ мѣстѣ, среди лѣса расположилось нѣсколько сотъ человѣкъ въ безмолвномъ ожиданіи чего то чрезвычайно важнаго. Вотъ придутъ „они", которые откроютъ все, что крестьянамъ такъ нужно, необходимо знать... Луна гордо смотритъ съ высоты! Кругомъ ни звука. Подошла еще кучка сельчанъ, человѣкъ 200, изъ одного села. „Ну, время начать!"—сказалъ одинъ изъ руководителей и бесѣда началась. Говорили обо всемъ, что только можетъ имѣть отношеніе къ жизни крестьянина. Обсужденіе велось оживленно и въ немъ принимали участіе всѣ присутствующіе. Взошло солнце и сельчане, принявъ присягу не измѣнять общему дѣлу, разошлись, чтобы приняться послѣ безсонной ночи за тяжкій дневной трудъ.

28 мая было устроено довольно многолюдное собраніе въ с. Чочхати, затѣмъ, въ серединѣ іюня,—въ районѣ

с. Супси, въ селеніяхъ Хварбети, Гуріанта, Дьабзу, Мамати, Дзимити и др. Пропагандистамъ положительно не давали покоя, требуя хотя одинъ вечеръ посвятить тому или иному селенію. Собранія чаще всего устраивались гдѣ нибудь подальше отъ деревни. Бесѣда продолжалась обыкновенно всю ночь. На первомъ планѣ всегда стояла, конечно, масса всевозможныхъ вопросовъ практическаго характера. Надо замѣтить, что у пропагандистовъ не имѣлось строго выработанной программы и наперед опредѣленной системы занятій, поэтому каждый изъ нихъ развивалъ свои мысли передъ слушателями по своему. Говорили обо всемъ, но отсутствіе выработаннаго плана занятій отзывалось, конечно, неблагопріятно на результатахъ работы и народъ не всегда выносилъ ясное представленіе о томъ, что говорилось. Главное вниманіе было обращено на экономическое положеніе крестьянъ. Въ этихъ бесѣдахъ обычно прежде всего обсуждался вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ и духовенству, выяснялись способы борьбы съ ихъ эксплуатаціей и формулировались необходимыя требованія. Однимъ изъ средствъ борьбы предлагали бойкотъ.

Вообще агитаторы старались на первыхъ порахъ возбудить въ крестьянствѣ духъ борьбы за свою долю, не выдвигая пока пунктовъ спеціально-пролетарской программы. Но почва была уже достаточно подготовлена самою жизнью и проповѣдь находила себѣ самый живой откликъ въ массахъ и готовность слѣдовать тѣмъ указаніямъ, какія давалъ агитаторъ-пропагандистъ. Руководителей-интеллигентовъ народъ въ большинствѣ случаевъ зналъ лично. Конспирація совершенно отсутствовала. Гдѣ что дѣлалось и что происходило,—всѣ объ этомъ знали. Да при тогдашнихъ условіяхъ иначе и невозможно было поступать. Народъ рѣшительно требовалъ, чтобы на собраніяхъ могъ участвовать каждый желающій, и если при-

ходилъ незнакомый „студентъ“, то его сопровождалъ непремѣнно извѣстный народу агитаторъ.

Помѣщики и духовенство на первыхъ порахъ только усмѣхались по поводу возникшаго въ крестьянствѣ движенія. „Гдѣ это видано, чтобы они могли устоять противъ казаковъ, которые придутъ сюда“, часто можно было слышать отъ нихъ. Нужно добавитъ, что не только они, но и многіе изъ искреннихъ друзей народа не особенно вѣрили въ успѣхъ движенія. Командующія сословія, конечно, смотрѣли на крестьянина, какъ на послушнаго раба начальства, какъ на существо, которое безпрекословно перенесетъ всякія неудобства и несправедливости въ жизни. Но жизнь взяла свое, она показала, что терпѣнію крестьянства тоже бываетъ конецъ, что и его консервативная природа способна пробудиться и сдѣлать изъ него смѣлаго борца за право и правду.

Волненія, однако, принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Помѣщикамъ и духовенству приходилось теперь уже посерьезнѣе взглянуть на положеніе дѣлъ. Крестьяне прямо уже грозили имъ: „если вы не будете поступать по нашему желанію, мы насильно принудимъ васъ къ тому“. Начали съ бойкота помѣщичьихъ экономій, и тутъ-то лакейская природа недавнихъ рабовладѣльцевъ сразу-же сказалась: помѣщики начали на словахъ льстить народу и соглашаться на его требованія, страстно ожидая въ то-же время близкую помощь со стороны правительства. „Берите землю за третью часть урожая, съ пастбищъ ничего не взыщу“—говорилъ правительственный шпіонъ Эсика Накашидзе. Отказывались также и многіе священники отъ драмоваго сбора. Лицемѣріе этихъ духовныхъ отцовъ не имѣло предѣла. Льстивыми словами и льстивымъ обращеніемъ старались они сдержать народъ отъ открытаго возмущенія. „Мы и сами раньше еще хотѣли уничтожить драмовый сборъ“, говорили они. Но такъ они

лишь говорили, на дѣлѣ они ковали цѣпи народу: камера уѣзднаго начальника постоянно была полна помѣщиками и священниками. „Помогите, народъ развратился, страна погибаетъ!“—взывали они. Однако мѣстное начальство, ошеломленное быстро выросшимъ народнымъ движеніемъ, пока еще не рѣшалось вмѣшаться въ дѣло.

Не смотря на то, что пропагандисты старались показать на сходкахъ всю безсмысленность террора, народъ все же придавалъ такому способу борьбы громадное значеніе. Участились избіенія упрямыхъ помѣщиковъ и шпіоновъ. Послѣднихъ народъ особенно ненавидѣлъ, и если кто осмѣливался брать на себя подобную роль, то дни его были сочтены. Типичный феодалъ Давидъ Гуріели нѣсколько разъ обращался къ губернатору: „Дайте мнѣ войско, какъ бывшему офицеру милиціи, и я заставлю ихъ проклинать свою судьбу; я доведу ихъ до того, что они пожелаютъ возвращенія крѣпостного права!“ Это стало извѣстно народу, и князь былъ убитъ около с. Супси. Убили также въ Хидистави Варнавву Карцивадзе. Стрѣляли въ Эсика Накашидзе и Телемака Гуріели, и подобныхъ случаевъ было масса.

Нѣкоторые помѣщики совершенно оставляли имущество и бѣжали въ города. Ужасъ объялъ всѣхъ. Начальству не давали покоя. Созвано было тайное дворянское собраніе въ г. Озургетахъ. На этомъ собраніи постановлено было ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о немедленной помощи. Выработаны были также мѣры самообороны. Главарями этого дѣла были Коція Эристави, Бедія Кобахидзе, Титико Эристави и, вообще, многіе представители сіятельнаго сословія. Кое кто изъ этихъ благородныхъ мужей требовалъ даже ввести розги на Кавказѣ.

III. Уроки политическаго воспитанія.

Движеніе разросталось съ удивительной быстротой и правительство, видимо, рѣшило принять свои мѣры. „Бунтъ“ не охватилъ еще всѣхъ селеній, но это было дѣломъ ближайшаго будущаго.

Нужно замѣтить, что агитаторы въ началѣ мало вниманія удѣляли общеполитической сторонѣ дѣла и только изрѣдка, мимоходомъ, старались выяснить связь между безправіемъ и нищетой крестьянства съ общеполитическими условіями Россіи. Для широкихъ массъ народа эта связь была еще не совсѣмъ ясна; вниманіе ихъ главнымъ образомъ было направлено на помѣщиковъ и духовенство; народъ думалъ, что если отъ правительства и нельзя ждать помощи въ борьбѣ съ ними, то оно во всякомъ случаѣ и не будетъ мѣшать этой борьбѣ. Всѣ насилія и издѣвательства мѣстныхъ властей онъ приписывалъ главнымъ образомъ ихъ личной испорченности. Нерѣдко въ народѣ можно было слышать: „Государь держитъ нашу сторону; студентовъ высылаетъ онъ; онъ ихъ проситъ: „идите, подмѣщиковъ“. Такъ думалъ въ своей наивной простотѣ бѣднякъ крестьянинъ и дѣйствительность не замедлила жестоко посмѣяться надъ нимъ и вырвать съ корнемъ эту вѣру въ благожелательность правительства. Правительство приступило къ своимъ мѣропріятіямъ по части этого „успокоенія“. Кутаисскому губернатору Смагину было предложено объѣхать гурійскія села и убѣдиться лично, какъ обстоятъ дѣла и онъ убѣдился въ томъ, что отъ прежней покорной Гуріи не осталось и слѣда. Чтобы познакомиться съ взглядами и стремленіями населенія, онъ устраивалъ сходки и спрашивалъ: „скажите, въ чемъ вы нуждаетесь и я удовлетворю васъ“. Но когда, напримѣръ, въ с. Джу-

8956

мати одинъ изъ крестьянъ ярко охарактеризовалъ свою нужду и выставилъ требованія, Смагинъ разсердился: „ты врешь, это тебя научили вольношатающіеся! Другой разъ не смѣйте говорить мнѣ подобныхъ вещей, а то я васъ всѣхъ въ Сибирь сошлю!“ Жители с. Чачхети просили у него хлѣба: „у насъ голодъ, окажите намъ помощь!“—говорили они. Онъ на эту просьбу отвѣтилъ крикомъ и руганью.—„Если помощи намъ не будетъ, мы не въ состояніи будемъ платить налоги“,—сказалъ одинъ.—„Нѣтъ, вы должны платить и исполнять все, что вамъ будетъ приказано!“—„Если такъ, то возьмите ужъ и это, больше у меня ничего не осталось!“—сказалъ другой, сбросивъ съ ногъ высохшіе лапти, и шлепнувъ ихъ передъ губернаторомъ. Тотъ обидѣлся: онъ приказалъ немедленно арестовать гордаго крестьянина, но поднявшійся шумъ и движеніе среди толпы заставили его отмѣнить распоряженіе. Губернатору въ лицо говорили и кулаками угрожали, чтобы онъ никого арестовывать не смѣлъ. На слѣдующій день онъ собралъ Микель-Габріелевское сельское общество для переговоровъ. На сходкѣ присутствовало 500 чел. и отсюда губернаторъ вынесъ такое же впечатлѣніе, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Фамиліи выступавшихъ во время переговоровъ крестьянъ онъ записывалъ, желая, очевидно, этимъ устрашить непокорныхъ, но крестьяне не обращали на это никакого вниманія; они предъявили слѣдующія требованія: 1) отмѣнить существующій порядокъ взиманія платежей; понизить плату за аренду земли до $^1/_8$—$^1/_{10}$ урожая; 2) уничтожить оброчные платежи за пастбища; 3) уничтожить акцизъ на спиртъ и водку; 4) сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ жителей мѣстности исправленіе проселочныхъ дорогъ и охрану церквей; 5) взимать со всѣхъ поровну расходы на межеванія; 6) уничтожить драмовый сборъ, и 7) уничтожить всѣ особыя сословныя права и преимущества и уравнять всѣхъ передъ закономъ. Гу-

бернаторъ сперва было вскипѣлъ, но потомъ началъ опять наставлять народъ: „я знаю, что васъ обманываютъ какіе то бездѣльники, которые ходятъ къ вамъ по ночамъ и объясняютъ вамъ царскіе законы и дѣйствія правительства въ превратномъ смыслѣ; если вы имъ не повѣрите, тогда я обращу вниманіе на ваши просьбы и все возможное исполню. Оброчные платежи не отъ меня зависятъ; по этому вопросу говорите съ помѣщиками, а драмовыя, если успокоитесь и обратитесь съ просьбою—упраздню". На это крестьяне отвѣтили отказомъ. Тогда разсвирѣпѣвшему губернатору осталось только сѣсть въ вагонъ и отправиться въ Кутаисъ. Эта бесѣда только еще больше пріободрила крестьянъ. По отъѣздѣ губернатора они устроили совѣщаніе о томъ, какъ имъ поступать въ будущемъ. „Товарищи, вы видите, какъ смотритъ на наши справедливыя требованія губернаторъ; онъ совершенно не принялъ во вниманіе нашу нужду и не хотѣлъ дать какого либо спредѣленнаго отвѣта. А разъ это такъ, то мы сами должны рѣшить и сами же устроить свое дѣло", обратился къ народу одинъ изъ наиболѣе сознательныхъ крестьянъ. „Вѣрно, вѣрно!"—отвѣтилъ на это народъ. Рѣшено было не отступать отъ требованій, представленныхъ губернатору. Рѣшили также снять всю прислугу и работниковъ отъ упрямыхъ помѣщиковъ и прекратить съ ними всякія сношенія. Съ этой цѣлью были всюду разосланы особые уполномоченные. Затѣмъ было постановлено прекратить съ будущаго года всякую работу на ихъ земляхъ; здѣсь же крестьяне дали другъ другу клятву не измѣнять ни при какихъ обстоятельствахъ этому рѣшенію, послѣ чего направились съ пѣснями къ селамъ. Вмѣсто знаменъ подняли красные башлыки съ криками: да здравствуетъ единеніе! Долой помѣщиковъ и духовенство!

Рѣшеніе Микель-Габріельскаго общества было принято крестьянами и другихъ селъ; черезъ недѣлю послѣ этого

рѣдко могли встрѣтить прислугу у помѣщиковъ и духовенства.

Губернаторъ Смагинъ тѣмъ временемъ просилъ у Голицына (бывшаго главноначальствующаго на Кавказѣ) распоряженій: „какъ поступить съ возставшей Гуріей?“ Наконецъ, согласно приказу свыше, 6 августа 1903 г. въ г. Озургеты прибылъ вице-губернаторъ съ сотней казаковъ и съ этого-то момента начинаются „героическія дѣла“ правительства! Здѣсь развертывается грандіозная картина разврата самодержавія! Впродолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ не прекращались репрессіи и разореніе трудящейся массы. На первую очередь былъ поставленъ Микель Габріель: 7 августа на ст. Натанеби вызвали 25 крестьянъ и между ними 4 интеллигента. Изъ нихъ явилось человѣкъ 19. Всѣхъ ихъ арестовали и держали подъ охраной казаковъ. Сельчанами было постановлено напасть на казаковъ и освободить задержанныхъ, но отъ этого предпріятія пришлось отказаться. На слѣдующій день всѣ арестованные были отосланы въ Кутаисъ. 8 августа въ сел. Нигоити задержали человѣкъ до 20, ихъ тоже отправили въ Кутаисъ. Арестовали многихъ также въ с.с. Супси, Чочхати, еще въ Нигоити, Микель-Габріели, Амаглеба, Хварбети, Хидистави и др. Шпіоны работали во всю! Тюрьмы въ Кутаисѣ, Озургетахъ и Батумѣ были буквально переполнены народомъ. Задержано было всего около 250 человѣкъ. Въ Гурію прибылъ теперь цѣлый полкъ солдатъ. Арестованныхъ направляли сперва въ Озургеты, а потомъ въ Батумъ или Кутаисъ. Водили пѣшкомъ, подъ нагайками, съ издѣвательствами и руганью; пощады не давали никому—ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни больнымъ. Казаки и стражники, гарцуя на коняхъ, подгоняли ихъ плетьми, принуждая бѣгомъ поспѣвать за лошадьми, и горе тѣмъ, кто не въ состояніи былъ бѣжать отъ усталости, или сла-

бости: нагайка ходила по ихъ спинамъ безъ всякой пощады, ихъ кусали лошади, подгоняемыя сѣдоками.

Теперь Смагинъ опять поѣхалъ по деревнямъ, но уже съ солдатами и казаками. Вызывалъ онъ каждое село въ отдѣльности (а не общества), чтобы вмѣстѣ собранный народъ не могъ оказать сопротивленія. Всякаго, кто рѣшался сказать хоть слово въ оправданіе, онъ арестовывалъ и передавалъ казакамъ для расправы. Издѣвательствамъ не было конца. По всей Гуріи были закрыты библіотеки-читальни, которыя до того были почти въ каждомъ селеніи. Учителя, по показаніямъ шпіоновъ, арестовывались или увольнялись. У семи сельскихъ обществъ было отнято право выбора старшинъ и посажены правительственные — съ окладомъ 450—500 р. въ годъ. Въ каждое изъ бунтующихъ селъ губернаторъ послалъ солдатъ по 50 — 60 чел. на полномъ содержаніи крестьянъ. Всюду для взысканія драмового сбора въ пользу духовенства были разосланы стражники, которые расправлялись съ населеніемъ, какъ хотѣли; если не было денегъ—они брали вещи. Чтобы вывѣдать „крамолу“, Смагинъ задерживалъ человѣка по 4—5 на нѣсколько дней при канцеляріяхъ, надѣясь такимъ путемъ заставить малодушныхъ выдать своихъ товарищей. Въ Озургетахъ подъ плетью заставляли выдавать главарей движенія. Но напрасно! Народъ не выдавалъ своихъ руководителей, хотя всѣ почти знали ихъ.

Теперь-то промотавшіеся князья увидѣли удобный моментъ для того, чтобы поправить свои дѣла; они дружно поджигали свои развалившіеся, размотанныя имѣнія, сваливая вину на крестьянъ, а начальство оцѣнивало въ десять разъ выше стоимости сгорѣвшее имущество и взыскивало съ народа. Возмутительную картину представляло изъ себя въ это время село. Можно было подумать, что настали времена нашествія Ага-Магометъ-Хана. Народъ недоумѣвалъ и не зналъ, что же такое совершается надъ его го-

ловой? Недавно только выступивъ на арену борьбы, онъ не зналъ еще того, чтобы власти, по указанію и подъ руководствомъ самого правительства такъ безпощадно и безсовѣстно могли поступать съ нимъ. Онъ получилъ теперь первые наглядные уроки въ широкомъ масштабѣ и сдѣлалъ свои выводы: *необходима борьба со всѣмъ политическимъ строемъ, потому что всѣ мѣстныя невзгоды и нужды нельзя устранить частичной, мѣстной борьбой.*

IV. Организація боевыхъ силъ: періодъ систематической пропаганды и агитаціи.

Физіономія правительства достаточно выяснилась для народа; лучшую часть его оно заключило въ тюрьмы за высказанную правду. На справедливыя требованія народа оно отвѣтило плетьми, экзекуціями и тюрьмами. Въ теченіе 3½ мѣсяцевъ пять селеній были переполнены солдатами. На всѣхъ, кто только не занимался шпіонствомъ, смотрѣли подозрительно и достаточно было незначительнаго повода и они оказывались въ тюрьмахъ. Мѣстнымъ представителямъ правительства всюду снились революціонеры; не проходило недѣли, чтобы при канцеляріи не созывали сходки и чтобы какой нибудь правительственный чиновникъ не давалъ народу почувствовать всей тяжести произвола.

Во время уборки урожая за крестьянами въ полѣ постоянно ходили стражники и силой брали то, что хотѣлъ помѣщикъ за арендованную у него землю; всякое сопротивленіе крестьянина этому открытому грабежу, вело за собой арестъ. О судѣ надъ арестованными нечего, конечно, было и думать. Многихъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, выслали изъ Кутаисской губерніи *). Группу въ

*) Въ числѣ высланныхъ былъ и Ной Жорданія, соціалдемекратъ, выбранный теперь въ члены Гос. Думы, а также и Сильвестръ Джибладзе.

тридцать человѣкъ выдѣлили особо и нарядили жандармское слѣдствіе. Тянулось оно цѣлый годъ, въ теченіе котораго узники вынесли всѣ ужасы тюремнаго режима. Приговорены они были къ ссылкѣ въ Архангельскую губ. и Восточную Сибирь, отъ 3 до 10 лѣтъ.

Во избѣжаніе „скандаловъ“ и повторенія „бунта“ правительство смѣнило и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Уволено было нѣсколько „слабыхъ“ приставовъ, увеличенъ штатъ полиціи и въ селахъ заведены постоянные тайные агенты полиціи. Уѣзднаго начальника Лазаренко за недостаток энергіи перевели въ другое мѣсто, а взамѣнъ его назначили извѣстнаго всѣмъ любителя плетей и розогъ—Ивана Джапаридзе. Этотъ двуногій звѣрь ничѣмъ не гнушался, чтобы какъ нибудь устрашить народъ и ослабить революціонное движеніе. День и ночь объѣзжалъ онъ деревни и всякими мѣрами—насиліемъ и уговорами, плетью и лестью—старался внушить народу задерживать „вольно-шатающихся бездѣльниковъ“, какъ называлъ онъ агитаторовъ, и представлять ихъ начальству; „только тогда настанетъ между нами миръ и согласіе, когда среди васъ не останется ни одного такого бунтовщика“. Но народъ хорошо понималъ о чемъ идетъ рѣчь...

Приближалось время посѣвовъ и уѣздному начальнику слѣдовало проявить свою доблесть; нужно было не допустить бойкота помѣщиковъ. Съ этой цѣлью онъ вызывалъ крестьянъ по одному и каждому приказывалъ не отказываться отъ работы на помѣщичьихъ земляхъ; въ случаѣ отказа онъ набрасывался и плетью угощалъ упрямца. О томъ же толковалъ онъ и на сходахъ. Отъ бойкота пришлось, конечно, отказаться, но только лишь на короткое время, пока надъ крестьянской спиной висѣла нагайка.

Мѣстнымъ самодержцамъ казалось, что теперь можно быть спокойнымъ за будущее; вѣдь все, что только могъ придумать ихъ узкій полицейскій лобъ, они сдѣлали для

„успокоенія“ народа... Правда, крестьянство еще только что проснулось отъ своего вѣкового сна, оно только еще училось борьбѣ и потому можно было бояться, что всѣ эти звѣрскія репрессіи, эти экзекуціи, тюрьмы и розги разобьютъ на нѣкоторое время его энергію и заставятъ опять приняться за старую лямку. Но дѣйствительность показала иное. Правда, что много активныхъ борцовъ было выхвачено изъ среды народа, многимъ пришлось самимъ бѣжать, но народъ уже зналъ теперь своего врага; ненависть къ самодержавной бюрократіи и мѣстнымъ феодаламъ слишкомъ глубоко засѣла въ его душу, чтобы потеря немногихъ руководителей могла отразиться на остановкѣ всего движенія.

Пропагандистская и агитаціонная работа, между тѣмъ, стала снова по-немногу налаживаться, но все это теперь сопряжено было съ страшными трудностями, благодаря усиленному надзору.

Весной 1903 года былъ учрежденъ соціалдемократическій комитетъ для Гуріи, подъ названіемъ комитета сельскихъ рабочихъ Гуріи, съ перваго же дня обратившійся съ призывомъ къ народу въ особомъ листкѣ. До сихъ поръ прокламаціи и листки къ крестьянамъ издавались Батумскимъ Комитетомъ отъ своего имени. Къ этому же времени кавказскій союзный комитетъ выпустилъ первую обширную прокламацію, обращенную къ *«гурійскому крестьянству»*, гдѣ вкратцѣ была намѣчена экономическая и политическая программа движенія сельскихъ рабочихъ. Но здѣсь комитетъ встрѣтилъ одно большое затрудненіе: связей со всѣми селами не имѣлось, хорошихъ агентовъ было также мало, многіе работники были разогнаны, поэтому-то листки часто не доходили до мѣста назначенія, а если доходили, то въ маломъ количествѣ. Все говорило о необходимости расширенія организаціонныхъ связей и непосредственнаго практическаго руководства движеніемъ, не говоря уже объ

агитаціи и пропагандѣ. Систематическая революціонная работа, мѣстныя районныя организаціи, при посредствѣ которыхъ комитетъ имѣлъ бы возможность распространять непрерывно революціонныя идеи въ массахъ,—вотъ задача стоявшая на первой очереди.

Чтобы придать работѣ среди крестьянъ болѣе планомѣрный характеръ, комитетъ созвалъ въ маѣ 1903 года спеціальный съѣздъ или конференцію представителей и вообще работниковъ всѣхъ мѣстностей Гуріи, на которомъ была выработана программа и система занятій съ крестьянами, а также и планъ организаціи. Послѣдняя была такого типа: въ каждомъ селѣ долженъ быть хотя одинъ сельскій кружокъ, если не больше, состоящій изъ 10 человѣкъ; делегаты отъ сельскихъ кружковъ, по одному отъ каждаго, образуютъ кружокъ *общественный*, охватывающій цѣлое сельское общество; число членовъ такого кружка равнялось 4—5; весь уѣздъ былъ разбитъ на районы, по 5—6 обществъ въ каждомъ, и дѣлами района завѣдывалъ особый районный представитель и его помощникъ; послѣдней мѣстной инстанціей являлся комитетъ, который входилъ въ непосредственную связь съ районными представителями и черезъ всю организацію распространялъ свое вліяніе въ народѣ. Такая организація прежде всего гарантировала отъ проваловъ мѣстныхъ работниковъ, столь частыхъ при прежней разбросанности и неконспиративномъ веденіи дѣла; тогда агитаторы были извѣстны всѣмъ и каждому, слѣдовательно и начальству.

На томъ же съѣздѣ была выработана тактическая программа.

Агитація въ массахъ, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ, была отвергнута, въ виду того, что бывшія массовыя собранія часто вели за собой проникновеніе провокаторовъ въ мѣстныя организаціи. Не нужно забывать, что движеніе носило съ самаго начала двойственный ха-

рактеръ по составу элементовъ, входившихъ въ него: движеніе сельскихъ рабочихъ чисто пролетарскаго типа, среди которыхъ идеи соціализма находили свободный доступъ и подготовленную почву и движеніе крестьянъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ землей и тяготѣющихъ къ собственности. Эти оба русла сливались въ общемъ движеніи и потому идейная сторона его часто носила смѣшанный характеръ. Этимъ то и объясняется тотъ фактъ, что въ массахъ замѣчалась сильная склонность къ террору, вызваннаго правительственными репрессіями. Съ этимъ приходилось бороться. Съѣздъ призналъ его вреднымъ для развитія классоваго сознанія и массовой борьбы и потому постановилъ—воспретить всѣмъ товарищамъ, какъ членамъ партіи, прибѣгать къ террору. На разрѣшеніе этихъ принципіальныхъ вопросовъ съѣздъ употребилъ цѣлыхъ 4 дня. Большинство членовъ его состояло изъ крестьянъ, которые принимали въ обсужденіи вопросовъ самое дѣятельное участіе, въ особенности въ рѣшеніи вопросовъ практическаго характера.

Послѣ этого комитетъ приступилъ къ работѣ—устройству и объединенію сельскихъ кружковъ. Въ самое короткое время были всюду установлены связи; въ селахъ были назначены надежные агенты и народъ съ большимъ восторгомъ встрѣтилъ основаніе организаціи и плодотворную дѣятельность комитета.—„Теперь правительству не такъ-то легко будетъ справляться съ нами, вылавливать нашихъ руководителей!“—нерѣдко можно было слышать въ селахъ. И дѣйствительно, со дня основанія организаціи уменьшились аресты; конспирація оказалась возможной.

Начальство не замѣчало усиленной работы; отъ него все было скрыто густой завѣсой. Только случайно, изрѣдка попадалъ въ его руки кто либо изъ работниковъ организаціи, но это не могло сильно тормозить общаго дѣла.

Въ этотъ самый моментъ, когда въ деревняхъ нача-

лись систематическія занятія и число кружковъ быстро увеличивалось, гурійскія села объѣзжалъ губернаторъ Смагинъ (въ августѣ 1903 г.); къ великому своему удовольствію и къ „чести“ Джапаридзе онъ отмѣтилъ, что „возстаніе въ корнѣ уничтожено“. Послѣ „административной экскурсіи“ событіе это было торжественно отпраздновано въ Чохатаури грандіозной попойкой. Свою великую миссію они считали исполненной...

Когда поднялась волна іюльскихъ забастовокъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Кавказа и по Россіи, комитетъ получилъ рядъ предложеній мѣстныхъ организацій и кружковъ устроить мѣстныя демонстраціи въ селеніяхъ Гуріи. Комитетъ, однако, призналъ устройство демонстрацій несвоевременнымъ и отвергъ эти предложенія. Члены нѣкоторыхъ кружковъ были очень недовольны такимъ рѣшеніемъ вопроса, но сильная организаціонная дисциплина взяла верхъ: недовольные подчинились рѣшенію комитета. Послѣдній считалъ болѣе нужнымъ и полезнымъ для даннаго момента развитіе сѣти кружковъ и вообще упроченіе недавно созданной организаціи широкихъ слоевъ гурійскаго народа; поэтому то онъ до поры до времени рѣшилъ довольствоваться только обычной агитаціей и пропагандой. Въ пропагандистахъ былъ большой недостатокъ. Комитетъ не въ состояніи былъ удовлетворить всѣхъ запросовъ селеній. Прокламаціи большей частью были политическаго характера. Тѣ-же темы составляли содержаніе и устной агитаціи и пропаганды. Интересъ къ политическимъ вопросамъ и вопросамъ революціоннаго движенія русскаго пролетаріата былъ громадный Въ кружкахъ и на собраніяхъ постоянно слышались вопросы: „какъ дѣла въ Россіи? Какъ сильны рабочіе! Въ состояніи ли они сломить сопротивленіе правительства, и если въ состояніи, то какими средствами? Когда настанетъ свобода?“ и т. п. Эти вопросы стояли на первомъ планѣ и если кто либо

изъ руководителей начиналъ говорить о духовенствѣ и помѣщикахъ, его останавливали: „мы уже знаемъ это, и сами можемъ указать, какъ справиться съ ними; вы научите насъ чему-либо другому“.

Съ наступленіемъ солдатскаго набора осенью 1903 года комитетъ рѣшилъ выйти изъ узкихъ рамокъ повседневной работы; еще до призыва началась сильная агитація среди призывной молодежи за устройство демонстраціи. И вотъ, 4 Ноября въ м. Чохатаури новобранцы показали Джапаридзе-Смагинымъ, что ихъ усмирительная энергія пропала даромъ, что они проглядѣли то, что въ дѣйствительности происходило въ глубинахъ жизни гурійскаго крестьянства. Этой демонстраціей отмѣченъ новый періодъ революціоннаго движенія въ Гуріи. Солдатъ—это единственная крѣпость самодержавной бюрократіи; онъ служилъ въ ея рукахъ превосходнымъ орудіемъ для подавленія освободительнаго движенія рабочей массы какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ; и вдругъ это орудіе стало ускользать теперь изъ рукъ правительства: вчерашній землепашецъ или рабочій на фабрикѣ, солдатъ долженъ, конечно, рано или поздно стать на сторону угнетеннаго народа и съ этого момента побѣда народа обезпечена; отсюда понятно, что первое выступленіе его подъ краснымъ знаменемъ, съ возгласомъ „долой самодержавіе!“ должно было вселить въ сердцахъ довѣрчиваго, экспансивнаго гурійскаго народа горячія надежды на близость окончательной побѣды. Подъ вліяніемъ демонстраціи въ Чохатаури новобранцы выступили на улицу еще въ Батумѣ и Сигнахѣ. Правительственные лакеи встрепенулись; пошли аресты и обыски; многіе (изъ Ланчхути, Чохатаури и другихъ мѣстъ) попали въ Кутаисскую тюрьму еще до жеребьевки. Но мысль, получившую сильный толчекъ отъ этихъ демонстрацій, въ кутузку посадить нельзя...

Такимъ образомъ, движеніе въ деревнѣ нашло твердую

почву. На первыхъ порахъ оно было безсознательнымъ и стихійнымъ,—теперь же для крестьянъ цѣль была болѣе или менѣе выяснена, настоящій путь былъ открытъ.

Когда мы употребляемъ слово „крестьянинъ“, мы имѣмъ въ виду, конечно, не все земледѣльческое населеніе деревни, какъ единое цѣлое. Сельская буржуазія, состоящая большей частью изъ тѣхъ же крестьянъ, но зажиточныхъ, съ самаго же начала не принимала участія въ движеніи; она съ самаго же начала относилась враждебно къ низамъ сельскаго населенія, бѣднотѣ и особенно къ рабочимъ, изгнаннымъ правительствомъ изъ городовъ, и открыто помогала помѣщикамъ и начальству. Такъ поступаетъ она и теперь, когда отношенія между народомъ и правительствомъ болѣе обострились; однако, въ Гуріи этотъ слой очень не великъ. На сторонѣ народа были перебѣжчики и изъ дворянской среды, но, конечно, только единицами,—изъ его бѣдныхъ слоевъ. Такимъ образомъ, движеніе постепенно теряетъ свой сословный характеръ и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ физіономію классовой борьбы. Сколько мукъ и страданій, сколько невзгодъ и несчастій ни перенесъ борющійся народъ, но все же помѣщики и правительство ничего не добились; охваченный идеей борьбы за свободу, идеей классовой борьбы съ эксплуататорами, народъ предпочиталъ голодать, чѣмъ работать на помѣщичьихъ земляхъ на прежнихъ условіяхъ. Не смотря на всѣ старанія властей, бойкотъ былъ все-таки проведенъ крестьянами. Почти не было примѣра частичной измѣны другъ другу въ этомъ общемъ рѣшеніи. И такая ихъ стойкость не прошла даромъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики уступили. Въ сел. Нигоити, гдѣ прежде кн. Мачутатзевы даже угрожали крестьянамъ всякими земными и небесными карами, они теперь долго торговались съ крестьянами, предлагая имъ зомлю за $^1/_4$ и $^1/_5$ часть урожая и въ концѣ концовъ объявили: „идите къ своему коми-

тету и принесите его условія, мы будемъ согласны съ его постановленіемъ". Помѣщики района Супси также уговаривали крестьянъ согласиться на пониженную ими таксу, но получили все тотъ же отвѣтъ: „мы дадимъ только 1/10 часть урожая,—уступите—хорошо, нѣтъ—такъ совсѣмъ не надо". И тутъ помѣщикамъ пришлось уступить. Начальство уже не вмѣшивалось больше въ распрю между крестьянами и помѣщиками; ему приходилось теперь опасаться, какъ-бы самому не оказаться излишнимъ въ Гуріи; если раньше пристава и уѣздные начальники гнали крестьянъ работать на помѣщичьихъ земляхъ, то теперь, когда движеніе приняло уже болѣе грозный характеръ—противъ всего политическаго строя,—они предоставили крестьянамъ самимъ вести перегов оры и споры съ помѣщиками.

Крестьяне съ большимъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ въ городахъ и когда узнавали, что въ такомъ то мѣстѣ рабочіе выступили съ демонстраціей или еще какимъ либо способомъ протеста,—ихъ радости не было предѣла. Побѣду городского пролетаріата они считали своей побѣдой, а отвага и смѣлость его ободряли и ихъ. Каждый шагъ впередъ, сдѣланный россійской соціальдемократіей ихъ радовалъ и воодушевлялъ къ дальнѣйшей борьбѣ.

Когда наиболѣе сознательные узнали о II партійномъ съѣздѣ и введеніи центральныхъ учрежденій, ихъ радость была велика. Въ этомъ фактѣ они справедливо видѣли залогъ дальнѣйшаго успѣха въ борьбѣ за лучшее будущее, во имя котораго и рука объ руку съ пролетаріатомъ выступили и они. Конечно, эта вѣра и эти ожиданія были часто весьма наивными и складывались въ головахъ широкихъ массъ въ очень своеобразныя формы, но большаго требовать едва ли и возможно отъ людей, только что освободившихся отъ вѣковыхъ предразсудковъ прочнаго деревенскаго уклада.

Въ началѣ 1904 года Гурійскій Комитетъ созвалъ вторую конференцію партійныхъ работниковъ, на которой были учтены результаты истекшаго года организованной работы въ селеніяхъ Гуріи и выяснены недочеты организаціи. Конференція обсудила и приняла программу, выработанную на II съѣздѣ Р. С. Д. Р. П., а также тѣ тактическіе и организаціонные принципы, которые были предложены съѣздомъ. Слѣдовательно, съ этого момента Гурійскій Комитетъ и вся гурійская организація какъ крестьянская, такъ и рабочая—вошли въ составъ Р. С.-Д. Р. П. Центральнымъ пунктомъ II конференціи гурійскихъ работниковъ былъ вопросъ о бойкотѣ правительственныхъ учрежденій и о дальнѣйшей борьбѣ съ помѣщиками и духовенствомъ. Здѣсь именно былъ намѣченъ тотъ путь, по которому пошло движеніе въ послѣдующую эпоху и который годомъ позднѣе привелъ почти къ полному устраненію правительственной власти на территоріи Гуріи и къ организаціи самоуправленія на основѣ полнаго демократизма. Ниже мы дадимъ краткій очеркъ этого самоуправленія въ той сравнительно законченной формѣ, какую оно приняло къ веснѣ 1905 г.

Весь 1904 годъ прошелъ въ болѣе или менѣе мирной перестройкѣ стараго уклада. Соціальдемократическая организація, вышедшая на работу еще болѣе окрѣпшей послѣ второй конференціи, развила въ высшей степени интенсивную работу, причемъ ей уже приходилось сплошь и рядомъ выхо ить изъ рамокъ строго партійной, принципіальной работы въ массахъ, но и войти въ самую глубь повседневной жизни народа.

Бойкотъ правительственныхъ учрежденій администраціи, суда и полиціи, вызывалъ, конечно, страшное озлобленіе со стороны представителей власти и они пользовались каждымъ случаемъ для того, чтобы сорвать свою злобу на наиболѣе сознательной части гурійскаго крестьянства. Засады и убійства

безоружныхъ полицейскими и стражниками—нерѣдкое явленіе въ жизни селеній за этотъ промежутокъ времени. Не имѣя силъ, достаточныхъ для того, чтобы открытымъ наступленіемъ подавить повсемѣстное революціонное движеніе въ Гуріи, полиція предательски подкарауливала отдѣльныхъ лицъ изъ наиболѣе видныхъ въ движеніи и звѣрски разстрѣливало ихъ. Одно изъ такихъ „славныхъ“ дѣяній особенно возмутило крестьянство, именно въ сел. Ланчхути: 20 апрѣля среди ночи, приставъ Квашали со стражниками напалъ на шедшую по дорогѣ кучку гурійцевъ и двое изъ нихъ—Коста Чачава и Іосифъ Эбраэлидзе—были убиты. Ихъ обоихъ хорошо знала вся революціонная Гурія и потому убійство ихъ дало поводъ къ рѣзкимъ выраженіямъ протеста. Многіе, конечно, попали при этомъ въ тюрьмы. Этотъ же фактъ послужилъ отчасти толчкомъ къ тому, что въ предстоявшій праздникъ 1-го Мая было рѣшено устроить вооруженныя демонстраціи по всей Гуріи. Необходимо замѣтить, что Кавказскій Союзный Комитетъ рѣшилъ провести празднованіе 1-го Мая на Кавказѣ въ формѣ однодневной забастовки и устраивать митинги, чтобы открытымъ выступленіемъ не подать повода къ массовымъ избіеніямъ. Делегаты Гурійскаго Комитета, однако, настояли на томъ, чтобы было сдѣлано исключеніе для Гуріи, гдѣ населеніе надѣется дать надлежащій отпоръ вооруженной силѣ правительства; Союзный Комитетъ уступилъ и было рѣшено праздновать 1-е Мая въ Гуріи (и въ сосѣдней Имеретіи) въ формѣ вооруженныхъ демонстрацій. Ожиданія, однако, не совсѣмъ оправдались. Шедшіе другъ другу навстрѣчу, съ знаменами и пѣніемъ марсельезы, массы народа—изъ Сурeби и изъ Хидистави—еще до своего соединенія были встрѣчены вооруженными стражниками и послѣ схватокъ — разогнаны. Жертвами оказались два видныхъ дѣятеля движенія—Поцхишвили и Есе Каландадзе. Поцхишвили былъ юноша 18 лѣтъ, вооду-

шевлявшій многихъ своею отвагой, отъ котораго въ будущемъ можно было ожидать крупныхъ услугъ для общаго дѣла свободы. Есе былъ кузнецъ и его маленькая мастерская въ Хидистави въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ служила аудиторіей, гдѣ слышалась его умная, свободная рѣчь. Съ самаго начала гурійскаго движенія онъ находился въ переднихъ рядахъ его.

Причиной неудачи майскихъ демонстрацій является, несомнѣнно, недостатокъ вооруженія народа. Въ немъ было много энергіи, много рѣшимости и самоотверженія, но для борьбы съ вооруженной силой этого мало. Оружіе, съ которымъ шли крестьяне въ демонстраціяхъ 1-го мая, было крайне несовершеннымъ; вооружались, такъ сказать, домашними средствами,—кто чѣмъ могъ. Урокъ майской неудачи показалъ руководителямъ на необходимость обратить серьезное вниманіе на этотъ вопросъ и на ближайшей III конференціи Кавказскаго Союза были приняты соотвѣтствующія постановленія.

За майскія демонстраціи 1904 года гурійское населеніе расплатилось не только тѣми жертвами, которыя пали непосредственно при самыхъ столкновеніяхъ съ вооруженными стражниками и полиціей; для „усмиренія“ бунтующихъ и въ наказаніе имъ правительствомъ были посланы и размѣщены по селеніямъ Гуріи солдаты и казаки; вся эта орда повисла тяжелымъ камнемъ на шеѣ и безъ того разореннаго въ конецъ крестьянства. Безчинствамъ казаковъ не было конца. Солдаты же не позволяли себѣ особенныхъ звѣрствъ. На содержаніе войскъ, разсказывалъ позднѣе депутатъ Ланчхути Крымъ-Гирею, съ насъ взяли 5 тысячъ рублей. Кромѣ того, мы обязаны были доставлять войскамъ квартиры, дрова, керосинъ и пр., должны были перевозить даромъ ихъ имущество и аммуницію. Откуда намъ было достать столько денегъ и силъ? Пудъ кукурузы стоилъ полтора рубля. да намъ и нечего было про-

давать—въ амбарахъ было пусто. Военные отряды ходили по домамъ съ арбами и забирали всю домашнюю обстановку: столы, стулья, кровати, цапки, лопаты, котлы и пр. Но кто-же купитъ эти вещи? Онѣ и до сихъ поръ лежатъ въ канцеляріи. Ко всѣмъ бѣдамъ въ то время распространилась еще чума и мы боялись выпускать своихъ быковъ. *Тогда въ арбы запрягали людей и на нихъ перевозили солдатскія вещи...* Вотъ одна изъ безчисленныхъ картинъ, показывающихъ всю глубину бѣдствій народа и всю гнусность „внутренней политики" правительства. Солдаты, однако, не долго оставались въ селеніяхъ Гуріи. Извѣстно, что если солдатъ хоть не на долгое время останется въ тѣсномъ общеніи съ народомъ, онъ начинаетъ понимать, какую позорную роль играетъ онъ въ рукахъ правительства. ему понятно становится, что это за „внутреннie враги", противъ которыхъ начальство старается направить его вооруженную руку. Только стѣны казармы, этой солдатской тюрьмы, отгораживаютъ солдата отъ народа и не даютъ ему очистить голову отъ той лжи и клеветы, которой слуги правительства стараются превратить его въ свое послушное орудіе.

Солдаты, размѣщенные по домамъ крестьянъ, вскорѣ стали отказываться отъ какихъ-бы то ни было насильственныхъ дѣйствій надъ ними и начальство поняло опасность: войска были уведены изъ селеній Гуріи.

V. Требованія гурійскаго крестьянства.

Къ началу 1905 г. населеніе Гуріи осуществило уже до нѣкоторой степени ту программу бойкота правительственныхъ учрежденій, которая была намѣчена на конференціи гурійскихъ работниковъ — соціальдемократовъ. Создались уже и нѣкоторыя формы самоуправленія, подъ непосредственнымъ руководствомъ мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій.

Но надъ Гуріей готова была разразиться новая гроза. Правительство рѣшило расправиться съ ней крутыми мѣрами. Туда были двинуты крупныя военныя силы подъ начальствомъ Алиханова-Аварскаго: нѣсколько тысячъ солдатъ, артиллерія и передвижной военный лазаретъ. На станцію прибыла уже часть артиллеріи, отрядъ гренадеровъ, нѣсколько сотенъ казаковъ и нѣсколько пушекъ; затѣмъ, еще—шесть ротъ Елисаветпольскаго полка и полкъ пластуновъ. Алиханову были даны неограниченныя полномочія: Гурія отдана полностью въ его руки. Угрожающая опасность подняла на ноги всѣ слои населенія. Большинство помѣщиковъ и духовенства понимало уже теперь, что никакимъ насиліемъ нельзя заставить населеніе снова впрячься въ старое ярмо, что старыя формы эксплуатаціи держались лишь до тѣхъ поръ, пока массы крестьянства спали глубокимъ сномъ, отъ котораго пробудили ихъ изгнанные изъ городовъ промышленные рабочіе. Дальнѣйшія репрессіи и окончательное разореніе гурійскаго крестьянства могло развѣ только на время принудить его отказаться отъ своихъ требованій; нельзя же было все время стоять съ нагайкой надъ спиною крестьянина! И вотъ нѣсколько предводителей дворянства, батумскій и кутаисскій городскіе головы и два редактора газетъ—„Мокзаури" и „Цнобисъ-Пурцели" отправились къ генералу Маламѣ, главноначальствующему на Кавказѣ, просить объ отозваніи войска, посланнаго въ Гурію; вмѣсто военной экспедиціи, въ Гурію необходимо послать, по мнѣнію депутаціи, особаго представителя правительства, который выяснилъ бы желанія гурійцевъ; послѣднимъ необходимо дать возможность совмѣстно обсудить свои нужды, формулировать свои требованія, для чего необходимо разрѣшить имъ собранія; кромѣ того, прессѣ нужно дать возможность свободно обсуждать создавшееся положеніе въ Гуріи. Лицомъ наиболѣе подходящимъ, по мнѣнію депутаціи, для выясне-

нія нуждъ населенія, является членъ совѣта главноначальствующаго Султанъ Крымъ-Гирей. 16 февраля 1905 года депутація явилась къ ген. Маламѣ, но послѣдній принялъ только трехъ лицъ изъ ея состава; остальнымъ же предоставлено было переговорить съ директоромъ канцеляріи. Отвѣтъ на просьбу депутаціи былъ данъ на второй день: войска должны остаться на ст. Нотанеби, въ Гурію-же посылается Крымъ-Гирей; населенію разрѣшено свободно собираться для выясненія своихъ нуждъ, а для переговоровъ съ Крымъ-Гиреемъ—выбирать изъ своей среды депутатовъ, неприкосновенность которыхъ гарантируется... на словахъ, конечно *). Печати также было разрѣшено „свободно“ обсуждать нужды гурійцевъ. Таковы благіе порывы бюрократіи...

Крымъ-Гирей въ тотъ же день выѣхалъ въ Озургетскій уѣздъ. Онъ взялъ съ собой лишь переводчика и секретаря; кромѣ того, какъ „просвѣщенный“ администраторъ, онъ разрѣшилъ сопровождать себя всюду корреспондентамъ газетъ. Вотъ это послѣднее обстоятельство и дало возможность записать полностью все, что нашло нужнымъ заявить правительственному чиновнику гурійское населеніе.

Какъ только дошла вѣсть о томъ, что въ Гурію посланъ важный правительственный чиновникъ для выясненія нуждъ населенія, по всей странѣ немедленно же были организованы многочисленные сходы, или лучше, митинги—для формулировки требованій. Изъ этого факта нельзя. однако, сдѣлать того вывода, что гурійцы, или по крайней

*) Одновременно съ этимъ, 18 февраля, Озургетскій уѣздъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Этотъ фактъ обнаруживаетъ, какими мѣрами бюрократія намѣревалась «успокоить» Гурію. Можно думать, что вся эта затѣя бюрократіи, эта „свобода собраній“ и словесная гарантія неприкосновенности депутатовъ народа и пр.—было ничѣмъ инымъ, какъ провокаторскимъ пріемомъ для выясненія агитаторовъ и „подстрекателей“ среди гурійскаго населенія.

Въ Горійскій уѣздъ съ той же миссіей былъ посланъ Вейденбаумъ.

мѣрѣ ихъ передовая, сознательная часть, надѣялись получить что либо отъ самодержавнаго правительства или отъ мѣстныхъ его представителей. Нѣтъ! Почти всюду, гдѣ пришлось Крымъ-Гирею бесѣдовать съ крестьянами, онъ слышалъ отъ нихъ непріятное для его уха заявленіе, что они не ждутъ ничего отъ этого правительства и рѣшили высказать свои требованія только для того, чтобы черезъ печать повѣдать ихъ всей Россіи.

— Что они могутъ сдѣлать для насъ? Они по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ получаютъ,—гдѣ же имъ понять наши нужды!

— У нихъ у каждаго по нѣсколько тысячъ десятинъ земли, а когда я ложусь спать, то ноги и голову приходится класть на чужія имѣнія... Такъ формулировали гурійцы свое недовѣрія къ чиновнымъ посланцамъ правительства. И они были правы вдвойнѣ, потому что въ прошломъ не было еще случая, чтобы правительственный чиновникъ приходилъ къ нимъ безъ нагайки или оружія, какъ заявилъ Крымъ-Гирею одинъ изъ депутатовъ Ланчхути, а будущее... оно убило и ту надежду, которую питали еще нѣкоторые, наиболѣе отсталые слои гурійскаго крестьянства.

Обстановка бесѣдъ съ Крымъ-Гиреемъ всюду была почти одна и та-же. Еще до его появленія народъ собирался громадно массой (сходились не только жители даннаго селенія, но и всего сельскаго общества) на площади, преимущественно — передъ школой, выбиралъ десятокъ - другой депутатовъ, въ томъ числѣ и женщинъ, и слушалъ ихъ бесѣду съ Гиреемъ *).

---

*) Изъ десяти селеній, въ которыхъ побывалъ Крымъ-Гирей, мы приведемъ здѣсь въ цѣломъ видѣ лишь рѣчь депутатовъ Хидистави; изъ рѣчей же депутатовъ другихъ селеній возьмемъ лишь наиболѣе характерныя мѣста, дающія понятія о настроеніи гурійскаго крестьянства и о томъ ясномъ пониманіи дѣйствительности, каксе обнаружили они при этомъ. Сущность требованій почти во всѣхъ селеніяхъ и обществахъ

Крымъ-Гирей. Помните, что я пришелъ сюда не за своимъ дѣломъ, а для выясненія вашихъ нуждъ, и не смотря на то, что правда, вами высказанная, для меня будетъ горька, я все же прошу васъ сказать прямо и искренно обо всемъ, касающемся вашей жизни, о всѣхъ вашихъ нуждахъ.

Депутатъ. Хорошо. Мы скажемъ открыто и искренно с томъ, что насъ мучаетъ, и чего мы справедливо требуемъ, но кто поручится за то, что за свободную рѣчь намъ не будетъ угрожать опасность отъ произвола полиціи? Это мы испытали не разъ!

Крымъ-Гирей. Я не могу гарантировать вашу личность тогда, когда меня здѣсь не будетъ. Возможно, что съ кѣмъ-нибудь и случатся непріятности и въ такомъ случаѣ прошу немедленно сообщить мнѣ,—я буду ходатайствовать: здѣсь же, въ видахъ огражденія вашей личности, я не спрашиваю именъ и фамилій говорящихъ со мной.

Депутатъ. Хорошо; кто поручится за то, что все, сказанное нами, безъ извращенія войдетъ въ протоколъ? Мы не имѣемъ возможности провѣрить ихъ.

Крымъ-Гирей. У меня такой переводчикъ, которому я довѣряю. А если онъ ошибется въ чемъ либо, тогда они могутъ оказать помощь (указываетъ на корреспондентовъ).

Депутатъ. Вы пріѣхали сюда, въ Гурію потому, что будто-бы здѣсь творится что-то необыкновенное, нѣчто такое, о чемъ нигдѣ въ Россіи ничего не слыхано. Вы въ этомъ ошибаетесь.

Крымъ-Гирей. Я прибылъ сюда для выясненія причинъ, вызвавшихъ столкновеніе между правительствомъ и народомъ, а не за тѣмъ, чтобы разыскивать виновниковъ среди васъ.

одинакова. Слѣдуетъ еще замѣтить, что рѣчи депутатовъ переведены нами изъ грузинскихъ газетъ (главнымъ образомъ «Мокзаури») и потому въ переводѣ не могъ быть сохраненъ тотъ своеобразный колоритъ, какой онѣ носятъ въ дѣйствительности.

Депутатъ. Тогда слушайте, что мы скажемъ. Наши требованія выражаются въ трехъ словахъ: мы хотимъ хлѣба, правосудія и свободы; у насъ нѣтъ ни перваго, ни второго, ни третьяго. Сперва скажемъ о хлѣбѣ. Мы не требуемъ, конечно, чтобы намъ давали готовый, испеченый хлѣбъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы требуемъ, чтобы плодами своего труда пользовались мы сами и никто ихъ у насъ не отнималъ. Посмотрите на этотъ народъ: здѣсь передъ вами стоятъ люди трудовые, рабочіе, и это совсѣмъ не трудно узнать съ одного лишь взгляда,—они сухи, какъ скелеты и желты стъ солнца. Неужели же они не имѣютъ права требовать, чтобы плоды своего труда, кусокъ хлѣба, добытый собственнымъ потомъ и кровью, употреблять для себя же, а не отдавать его какимъ-то дармоѣдамъ? Да, мы не имѣемъ этого права — это мы знаемъ. Причина того, что плодами нашего труда жирѣютъ другіе, бездѣльники, состоитъ въ томъ, что рабочій народъ-земледѣлецъ — лишенъ земли. Земля, обрабатываемая имъ и орошаемая его потомъ, составляетъ чужую собственность. Земледѣлецъ вынужденъ согласиться на тѣ условія, которыя предлагаетъ ему помѣщикъ и это ввергло крестьянина въ то безвыходное положеніе, изъ котораго стремится онъ теперь освободиться своими собственными силами. И что же осталось дѣлать несчастному земледѣльцу? У него нѣтъ ни собственной земли, ни суда, который оградилъ бы его отъ произвола помѣщиковъ. Кругомъ мы видимъ одну только несправедливость. Судъ и полиція — орудія въ рукахъ помѣщиковъ, которымъ они давно уже пользуются для нашего притѣсненія. Да, полиція и помѣщики рука объ руку ведутъ борьбу, съ нами—земледѣльцами.

Крымъ-Гирей. Я хотѣлъ бы знать, самовольно вмѣшивается полиція въ ваши дѣла съ помѣщиками или къ ней обращаются сами помѣщики?

Депутатъ. Часто вмѣшивалась своевольно, но въ боль-

шинствѣ случаевъ стражники присылались по просьбѣ помѣщиковъ, чтобы насильно отнять у насъ часть урожая. Если кто осмѣливался сопротивляться, для тѣхъ готовы были плети, тюрьмы, часто и ссылка въ Сибирь. Да неужели нужно еще доказывать, что полиція принадлежитъ помѣщикамъ!

Крымъ-Гирей. Развѣ старшина, выбранный сельчанами, не защищаетъ интересовъ крестьянъ?

Депутатъ. Я самъ былъ старшиной нѣсколько лѣтъ и знаю, какъ командуетъ старшиной начальство. Да развѣ старшина можетъ ослушаться приказанія приставовъ и уѣздныхъ начальниковъ? Онъ во всемъ послушный рабъ этихъ повелителей, послѣдніе-же враги народа. За ослушаніе, за защиту интересовъ крестьянъ старшину ожидаетъ строгое наказаніе.

Крымъ-Гирей. Были ли случаи, когда бы старшина пострадалъ за интересы народа?

Депутатъ. Случалось и очень часто. Напримѣръ, можно указать на Харишвили, Хомирики, Болквадзе и другихъ, но это всѣмъ извѣстно и потому мы обратимся къ своему вопросу. Мы повторяемъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ-земледѣльцамъ, а не дармоѣдамъ. Плоды нашихъ трудовъ должны быть собраны въ наши же сараи. Кромѣ клочковъ пахатной земли, у насъ нѣтъ ни лѣса, ни пастбищныхъ мѣстъ. Лѣтнія пастбища принадлежатъ казнѣ, а зимнія — частнымъ лицамъ; и тѣ, и другіе въ свое время дерутъ съ насъ кожу. Лѣтними пастбищами мы только пользуемся полтора мѣсяца въ году и за это короткое время казна беретъ съ насъ оброка (гала) 500 р. То-же самое и съ лѣсомъ. Тамъ деревья гніютъ, а мы дрова покупаемъ; за одну маленькую хворостинку насъ штрафуютъ. Но развѣ лѣсъ—результатъ чьихъ либо трудовъ? Развѣ пастбища кѣмъ либо сѣялись и потомъ поливались? И вотъ, совершенно безъ труда ими пользуется

казна и помѣщики, а намъ, трудящимся, приходится еще отдавать имъ изъ нашихъ же трудовъ. Мы требуемъ уничтоженія такого порядка. Достаточно и того, что мы до сихъ поръ терпѣли!

Когда мы просили хлѣба, намъ давали камень; вмѣсто помощи, насъ угощала полиція плетьми. За послѣднее время мы потеряли всякое довѣріе къ правительству. Мы убѣждены, что рабочій народъ ничего добраго отъ него не можетъ ожидать, поэтому мы считаемъ необходимымъ составленіе крестьянскихъ комитетовъ, выбранныхъ обществомъ, для переговоровъ съ помѣщиками и казной. Комитеты эти должны упорядочить земельныя дѣла. Требуемъ этого не мы одни, басилетскіе крестьяне,—этого требуютъ крестьянство и рабочіе всей Россіи. Возьмите теперь казенныя земли. Казна владѣетъ не однимъ лѣсомъ, въ ея рукахъ находится также много и пахатной земли; за эту землю взыскиваютъ также большіе оброки. Многіе крестьяне живутъ на казенныхъ земляхъ и называются поэтому казенными крестьянами. Они работаютъ на этой землѣ, платятъ разнообразные налоги въ пользу казны и если имъ понадобится заложить или продать ее—не имѣютъ на это право. Поэтому мы, жители базилетскаго общества, вмѣстѣ съ другими, требуемъ, чтобы отрѣзки казенныхъ земель, которыми пользовались казенные крестьяне, признать собственностью ихъ. Кромѣ того, нѣсколькими крестьянами уже нѣсколько разъ куплены одни и тѣ-же участки земли, а при межеваніи приходитъ какой либо дворянинъ и оспариваетъ: это, говоритъ мое. Все это и многое другое дѣлаетъ жизнь крестьянина невыносимой. Къ этому добавьте еще тысячу видовъ различныхъ платежей — земельныхъ и сельскихъ. Да развѣ въ состояніи крестьянинъ, лишенный всего, нести постоянно тѣ безмѣрные налоги, отъ которыхъ жирѣютъ наши ненасытные правители? Нѣтъ, господинъ, онъ не могъ перенести всего того. Скажите,

какой доходъ можетъ удовлетворить, по вашему, семью изъ семи душъ?

Крымъ-Гирей. Это, конечно, зависитъ отъ жизни...

Депутатъ. Мы не говоримъ о хорошей, или сытой жизни, а такъ—хоть бы впроголодь.

Крымъ-Гирей. Такъ, рублей 500, я думаю достаточно будетъ.

Депутаты. Вотъ мы и требуемъ: если 500 рублей достаточно, такъ или иначе, на содержаніе семьи, то тѣ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода менѣе 500 рублей, должны быть освобождены отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Имѣющіе же дохода свыше 500 рублей должны платить налогъ подоходно, т. е. кто получаетъ больше дохода, тотъ больше и платитъ. Это болѣе справедливо. Въ настоящее же время повинности несутъ только тѣ, кто имѣетъ мало дохода и кто постоянно трудится; тѣ-же, у кого карманы туго набиты, чьи руки не знаютъ, что такое трудъ,—они почти ничего не платятъ.

Между нами есть много, такъ называемыхъ, временно-обязанныхъ крестьянъ; они -тѣ же крѣпостные. Отъ кого и почему они должны выкупаться? Почему они должны выкупать ту пядь земли, которую они обрабатываютъ съ назапамятныхъ временъ? Это явная несправедливость и мы требуемъ, чтобы всѣ несвободные крестьяне были освобождены со своей землей безъ всякихъ платежей. Помимо этого, выкупная плата, такъ несправедливо отнятая у крестьянъ, должна быть возвращена имъ же. Почему бѣдный крестьянинъ долженъ былъ выкупать землю, составляющую его исконную собственность? Мы также требуемъ отдачи казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель въ собственность крестьянамъ.

Крымъ-Гирей. Раздача казенныхъ земель въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Кавказа уже начата, требуется только ускорить это.

Депутатъ. Теперь скажемъ о налогахъ. На насъ лежатъ не только тѣ безмѣрные налоги, которые мы платимъ подъ именемъ прямыхъ налоговъ. Самые необходимые въ домашнемъ обиходѣ вещи обложены еще особо. Возьмемъ хотя бы керосинъ, который для каждаго семейства составляетъ предметъ первой необходимости. Керосинъ, добытый здѣсь, въ Баку, вывозится куда то далеко, въ Англію, гдѣ онъ стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ здѣсь, у себя, во дворѣ. И это потому, что онъ обложенъ непомѣрными налогами. Покупать керосинъ намъ необходимо, а стало быть приходится и этотъ налогъ платить. То-же самое съ сахаромъ. Вывезенный отъ насъ заграницу сахаръ продается тамъ дешевле, чѣмъ у насъ. Затѣмъ, возьмемъ акцизные сборы съ спиртныхъ напитковъ (водки). Нашъ виноградъ „одесса" (сортъ) для вина не годится. И такъ какъ другіе сорта у насъ не родятся, то мы вынуждены водку выкуривать изъ него. И здѣсь начальство поставило намъ сѣть: оно начало увеличивать акцизные налоги и довело до такихъ размѣровъ, что стало невозможно и даже убыточнымъ заниматься этимъ промысломъ. Неужели и это вы называете справедливымъ? Ужели мы не должны имѣть права пользоваться плодами той земли, за которую мы платили столько непомѣрныхъ налоговъ? Вѣдь это плодъ обработанной нами земли, плодъ нашего труда! Мы требуемъ уничтоженія этихъ налоговъ, уничтоженія всѣхъ тайныхъ, косвенныхъ налоговъ.

Крымъ-Гирей. Я считаю возможнымъ ходатайствовать о временномъ уничтоженіи акцизныхъ сборовъ (съ водки) и то только для Гуріи.

Депутатъ. Для однихъ себя мы ничего не требуемъ: подобно намъ, въ томъ-же нуждается стомилліонное населеніе Россіи. Кромѣ того, съ нашего общества берутъ ежегодно какія-то „магазинные" деньги по 200 рублей въ годъ. А напримѣръ, въ прошломъ году, когда пудъ куку-

рузы у насъ стоилъ полтора рубля, мы просили помощи, на насъ никто вниманія не обратилъ. Куда дѣваются эти деньги? По карманамъ начальства! Мы требуемъ уничтоженія этого сбора и возврата собранныхъ суммъ.

Перейдемъ теперь къ духовенству: монахамъ и священникамъ; они не менѣе угнетаютъ народъ. Ихъ ремесло—лицемѣріе, покорность и рабство; совѣтуютъ обращаться къ небу, а сами лѣзутъ въ нашъ карманъ! Они безъ вознагражденія не промолвятъ ни одного слова и ихъ постоянный припѣвъ: деньги, деньги и деньги. Мы отказываемся отъ всякихъ расходовъ на содержаніе духовенства и требуемъ отдѣленія церкви отъ государства, т. е. пусть священника содержитъ тотъ, кто нуждается въ его молитвахъ и благословеніи.

Мы требуемъ также, чтобы священники лишены были права открывать школы; въ воспитаніи дѣтей духовенство не должно принимать никакого участія, такъ какъ оно своими извращенными мыслями затемняетъ свѣтлый умъ дѣтей. Богу угодно, чтобы мы были чисты душой и тѣломъ; чистота нашей совѣсти—дѣло наше и поэтому совѣсть человѣка должна быть свободна.

Намъ необходимо образованіе, необходимо читать книги, газеты,—это сознаютъ у насъ теперь всѣ. Необходимо оно настолько-же, насколько воздухъ, вода и хлѣбъ. Человѣкъ необразованный въ жизни непригоденъ. Для насъ же оно недостижимо, потому что существующее правительство изъ всѣхъ силъ старается, чтобы мы пребывали въ темнотѣ. Чѣмъ, если не подобнымъ соображеніемъ, руководствовалось оно, когда отказало намъ въ просьбѣ объ открытіи здѣсь на свой счетъ городской школы? Мы требуемъ, чтобы у насъ дѣло обученія было поставлено на должную высоту, т. е. чтобы до 16-ти лѣтняго возраста, обученіе дѣтей было безплатное и обязательное, всеобщее, безъ различія пола, сословій и національности. Кромѣ этого, чтобы полученіе

средняго и высшаго образованія было болѣе доступно всѣмъ.

Помимо всего этого, мы крестьяне и рабочіе не имѣемъ права собираться вмѣстѣ и обсуждать свои нужды. Подобныя собранія воспрещены. Почему же мы не должны имѣть права говорить о своихъ нуждахъ? Сегодняшній день — исключеніе, обычно же не даютъ и десяти изъ насъ собраться вмѣстѣ. Мы требуемъ свободы собраній. Если мы собираемся вмѣстѣ, на насъ нападаютъ стражники и казаки съ шашками и плетьми. Насъ подвергаютъ позорному тѣлесному наказанію, разоряютъ наши жилища и дѣлаютъ все, что хотятъ. Мы требуемъ уничтоженія такого порядка, мы требуемъ, чтобы личность и жилища были неприкосновенны.

Не только говорить, но даже писать воспрещаютъ въ газетахъ о нашей жизни. Въ прессѣ и слова нѣтъ о насъ. Говорятъ, что она не имѣетъ права касаться этого предмета. Почему же въ книжкахъ не должны сообщаться вѣрныя свѣдѣнія? Мы требуемъ, чтобы печати предоставлена была свобода, чтобы она могла описывать нашу дѣйствительную жизнь.

Намъ воспрещены стачки. Мы сговорились между собой: „не работать на прежнихъ условіяхъ въ чужихъ имѣніяхъ“; но вмѣшалась полиція и прибѣгла къ насилію, чтобы противодѣйствовать нашему стремленію къ улучшенію своей жизни. Поэтому, мы требуемъ свободы стачекъ. Много крови нашихъ товарищей пролито здѣсь, въ этомъ обществѣ во имя интересовъ народа. Больше еще томятся въ тюрьмахъ, а другіе выселены. Подобное поведеніе полиціи вызываетъ съ нашей стороны полнѣйшее къ ней отвращеніе. Мы требуемъ, чтобы всѣ находящіеся въ заключеніи и ссылкѣ товарищи наши были немедленно освобождены.

На нашемъ народѣ тяжкимъ бременемъ лежитъ воин-

ская повинность. Семью лишаютъ молодыхъ, здоровыхъ юношей и заключаютъ въ казармы на 4 года; дома остаются только женщины, старики да дѣти; рабочія руки, такимъ образомъ, пропадаютъ для семьи и, сверхъ того, содержаніе солдата котораго держатъ въ казармѣ, голодомъ еще ложится излишнимъ бременемъ на ту же самую семью. Каждой семьѣ содержаніе солдата, пока онъ отбываетъ воинскую повинность, обходится въ годъ 60 120 рублей. Откуда же достать ихъ и безъ того обнищавшему народу? Семья занимаетъ деньги у ростовщиковъ и все болѣе и болѣе задалживается. Но это еще не самое главное. Мы полагали, что войско существуетъ для нашей охраны; думали, что наши дѣти, которыхъ мы содержимъ на свои средства, будутъ посылаться противъ враговъ, если-бы такіе оказались, но оказывается, что мы своихъ сыновей посылаемъ воевать съ нами же. Наши сыновья и братья должны проливать народную же кровь, какъ это было на улицахъ Петербурга и во многихъ другихъ мѣстахъ! Мы это считаемъ недопустимымъ и гребуемъ уничтоженія постояннаго войска, а если понадобится защищаться отъ враговъ, мы всѣ готовы бороться съ ними до послѣдней капли крови.

Мы требуемъ уничтоженія сословій и уравненія передъ закономъ всѣхъ гражданъ. Должны быть только одни граждане, а не какія либо обособленныя сословія.

У насъ нѣтъ правосудія; объ этомъ мы говорили выше и опять возвращаемся къ тому же. Настоящій судъ зиждится на неправдѣ. Кто имѣетъ возможность подкупить судей, готъ вездѣ выходитъ справданнымъ. Мало того, что судъ основанъ на взяточничествѣ, отъ него нельзя дождаться и конца дѣла! Совершенно простое дѣло затягивается на нѣсколько лѣтъ! Чиновники обвиняютъ бѣдныхъ, но взятки берутъ съ обѣихъ сторонъ. Въ виду этого мы требуемъ введенія суда присяжныхъ, которыхъ долженъ

выбирать народъ при всеобщей, равной, закрытой баллотировкѣ. Каждый судья и. вообще, всѣ другіе чиновники должны отдавать отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ народу.

Спросимъ теперь, кто-же можетъ удовлетворить всѣ наши требованія? То ли начальство, которое всячески стѣсняетъ насъ и которое давно уже потеряло наше довѣріе? Конечно, нѣтъ! Оно неспособно руководитъ нами. Мы сами должны устроить свою жизнь. Поэтому мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія, состоящаго изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ. Каждому гражданину, безъ различія національности, религіи и пола, должно быть предоставлено право участвовать въ выборахъ представителей.

Выслушавъ рѣчь, Крымъ Гирей поблагодарилъ депутатовъ за правдивое слово и уѣхалъ изъ Хидистави.

Такая-же, въ общемъ, программа была выставлена и въ прочихъ девяти обществахъ Гуріи, гдѣ успѣлъ побывать Крымъ-Гирей. Кореннымъ вопросомъ, который повсюду выдвигался на первый планъ, былъ, конечно, земельный вопросъ. Остальныя требованія всѣ чисто политическаго характера.

Въ селеніи *Ланчхути* передъ Крымъ-Гиреемъ выступилъ съ рѣчью почтенный старикъ, въ рѣчи котораго вылилась вся та горечь, которую онъ, вмѣстѣ со своими соплеменниками, почерпнулъ въ теченіи своей долголѣтней жизни.

— Мнѣ уже 67 лѣтъ, началъ онъ, и легко понять, сколько скорбей и мукъ я перенесъ въ этомъ мірѣ. Вся наша жизнь это— ничто иное, какъ страданіе. Но я о своихъ нуждахъ уже ничего не говорилъ. И кому мнѣ было говорить? Кругомъ видѣлъ или угнетателей, или подобно мнѣ нуждающихся. Сегодня же мнѣ не хочется сойти въ холодную могилу съ тоской и страданіемъ и я выскажу теперь все, что у меня на душѣ и что поручилъ мнѣ высказать стоящій здѣсь народъ. Казна полна золотомъ и серебромъ, добытыхъ потомъ не однихъ гурійцевъ или кавказцевъ, но трудящейся массы

всей Россіи. Не будетъ ли болѣе справедливымъ, чтобы и мы пользовались нашими кровными деньгами, обогащающими казну?

Намъ нужно обученіе, а на наши деньги воспитываются дѣти какихъ-то дармоѣдовъ-бездѣльниковъ. Правильно-ли это? Я 67 лѣтній старикъ, воспитывался въ адскомъ мракѣ и мои дѣти вынуждены оставаться въ томъ-же состояніи. Почему же мой сынъ не можетъ воспитываться на счетъ казны? Почему могутъ учиться только дѣти дворянъ и священниковъ на казенный счетъ, когда у нихъ и безъ того много? Быть можетъ наши дѣти оказались-бы болѣе способными и были-бы болѣе полезны для общества.

Духовенство, получающее жалованье изъ казны, не довольствуются этимъ и обираютъ еще и насъ... Будетъ имъ насъ мучить, достаточно, что до сихъ поръ угнетали! Пусть священниковъ содержатъ тѣ, кто нуждается въ ихъ духовномъ наставленіи. Я и подобные мнѣ старики полагали, что священники замѣняютъ намъ Христа, теперь же убѣдились, что они волки въ овечьей шкурѣ. Въ частной жизни они именемъ Христа внушали намъ покорность и рабство и мы были рабами; но не довольствуясь этимъ, они и въ школахъ внушаютъ нашимъ дѣтямъ съ самаго ранняго возраста тѣ же самыя мысли, затемняя тѣмъ здоровое сознаніе дѣтей. Мы не можемъ этого дальше терпѣть и требуемъ лишить священниковъ права открывать школы и удалить ихъ изъ народныхъ школъ, какъ проповѣдниковъ рабства. У насъ есть сильное желаніе учиться: мы знаемъ что жизнь необразованнаго человѣка ничего не стоитъ, и потому мы требуемъ ввести всеобщее, безплатное, обязательное обученіе дѣтей, безъ различія пола, до 16 лѣтняго возраста. Требуемъ, чтобы всѣ учебныя заведенія были близко къ намъ, чтобы не нужно было посылать дѣтей куда-то за тысячи верстъ. По нашему мнѣнію школа должна служить началамъ братства, единства, правды, истины,

а не быть, какъ теперь, орудіемъ умственнаго разложенія и калѣченія...

Въ послѣдней русско-турецкой войнѣ принималъ участіе и я. Кобулеты, Цихись-Дзири, Чакви, Ардаганъ и Карсъ взяты нашей кровью. Мы, народная милиція, боролись за то, чтобы защитить свое отечество и дѣйствительно защитили. Народъ болѣе самоотверженно можетъ защищать свою родину, чѣмъ постоянное войско—солдаты и казаки.

Изъ рѣчи депутатовъ г. *Чхеидзе*:

Мы хотимъ и можемъ трудиться, но не имѣемъ земли для этого. Вотъ это то безземелье и заставило насъ работать въ чужихъ имѣніяхъ для того, чтобы доставить себѣ насущный хлѣбъ. Поэтому то мы и обращались къ помѣщику, тому помѣщику, который незаконно владѣетъ громадными имѣніями, и просили дать земли для посѣвовъ. Онъ зналъ о нашей крайней нуждѣ и ставилъ намъ тяжелыя условія, и намъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ соглашаться на эти условія. Мы платили помѣщику половину урожая и кромѣ того еще по рублю на кцеву, да хорошій обѣдъ самому и его управляющему и пр. Примѣры долгихъ лѣтъ убѣдили насъ въ томъ, что при такихъ условіяхъ работать намъ было безполезно. Мы поняли, что нашимъ тяжкимъ трудомъ пользовались какіе то дармоѣды, а мы съ голоду помирали. Мы знаемъ вѣдь, что земля создана не человѣкомъ, а природой, а если нѣкоторые такъ нажились, то только грабежомъ и насиліемъ. Для улучшенія нашей жизни мы прибѣгли къ такимъ средствамъ, которыя у насъ были подъ рукой. Переговорили между собой и рѣшили прекратить работу на помѣщичьихъ земляхъ. Такія дѣйствія, оказывается, носятъ названіе забастовки и выходитъ, что мы забастовали. Помѣщикамъ, привыкшимъ пользоваться чужимъ трудомъ, конечно, не по душѣ пришлась наша забастовка, такъ какъ земля оставалась пустой, а уступать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, они не желали.

Въ дѣло вмѣшалась полиція. Мы, невѣжды, думали, что полиція защититъ правую сторону, но жестоко обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ. Пріѣхалъ приставъ Квиташвили и взялъ съ насъ подписку, что мы будемъ работать на помѣщичьихъ земляхъ на прежнихъ условіяхъ, а кто не давалъ такой подписки, такъ тѣхъ бросали въ тюрьму. Чѣмъ больше насъ притѣсняли, тѣмъ тверже стояли мы на своемъ... Однажды приставъ заставилъ насъ стоять съ обнаженными головами на солнцѣ цѣлый день съ утра до вечера. Кругомъ обвелъ насъ стражниками. Эти ли мѣры могли помочь нашей нуждѣ? Но и этимъ не ограничились. Пріѣхалъ Джапаридзе и задержалъ насъ, предупредивъ, что онъ не пуститъ домой, пока не согласимся работать на прежнихъ условіяхъ. Первый разъ онъ поступилъ такъ въ апрѣлѣ и повторилъ то-же самое въ маѣ. Тогда же вывелъ изъ сходки нѣсколько человѣкъ и передалъ стражникамъ на расправу...

Такова полиція и помѣщики, а теперь спросите-ка относительно духовенства! И попы на насъ обрушились и ничего не щадятъ, чтобы только удовлетворить свой жадный желудокъ и наполнить свои бездонные карманы. Помимо налоговъ разныхъ видовъ, насъ обложили еще драмовыми, съ каждаго дома по 2 рубля. Эти драмовыя взыскиваются полиціей и, за неимѣніемъ денегъ, забираютъ орудія производства и вещи, нужныя въ хозяйствѣ.

Помимо того, нужно платить и за похороны, и за упокойную обѣдню, и за крестины и т. д., а если нечѣмъ было платить, такъ попъ не хоронилъ покойника. Возьмешь въ долгъ, отдашь — онъ обласкаетъ: „вотъ такъ и надо было; безъ денегъ и молитва покойника спасти не можетъ". Съ каждаго покойника сверхъ всего брали по рублю, какъ будто въ пользу церкви, но сами же тратили. Требуютъ также денегъ, когда мы причащаемся,—говоря при этомъ: „если денегъ не дадите, причастіе произведетъ въ вашемъ

желудкѣ огонь". При вѣнчаніи же устраивается настоящая торговля... Такъ, мы давно уже поняли, что духовенство, какъ и полиція, нашъ врагъ...

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ золъ мы признаемъ воинскую повинность. Забрали нашихъ молодцовъ куда то въ Японію, за море и тамъ заставляютъ избивать такихъ-же, какъ и сни сами. Почему тамъ должны быть убиты наши братья? Здѣсь земли много, но эта земля сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Подѣлите эту землю и хватитъ всѣмъ. Выбираютъ самыхъ лучшихъ и трудоспособныхъ юношей, уводятъ куда то на 4 года и мало того, что семью лишаютъ рабочихъ рукъ, мы должны еще отсюда посылать имъ туда въ казарму свои послѣдніе гроши...

Тамъ на войнѣ ежедневно тратится 2 милліона рублей. Что мѣшаетъ устраивать на эти деньги школы и этимъ чѣмъ нибудь помочь нашему горю? Если нужна будетъ война, неужели мы сами не можемъ защищать нашу родину? Мы требуемъ уничтоженія войска вообще и прекращенія этой безсмысленной войны...

Въ заключеніе должны сказать, что удовлетворить наши прссьбы не можетъ существующее правительство, которому мы не довѣряемъ. Народъ самъ долженъ участвовать въ своихъ дѣлахъ и руководить ими. Народъ долженъ самъ выбирать своихъ представителей посредствомъ всеобщей, прямой, равной и закрытой баллотировки. Этимъ уполномоченнымъ лицамъ и довѣритъ народъ свои дѣла.

Изъ рѣчи депутатовъ *с. Сурени:*

Война противна религіи и совѣсти; война—позоръ человѣчества, такъ пусть уничтожится война—это позорное избіеніе. Наше побадливое правительство заранѣе знаетъ, что его сознательный подданный—это его врагъ,—но врагъ внутренній. И вотъ противъ такого-то врага оно готовитъ и обучаетъ нашихъ-же братьевъ и сыновей. Когда трудящійся народъ хочетъ обсудить свое положеніе—

онъ внутренній врагъ; оружіе нашихъ же сыновей направляется противъ насъ. Мы требуемъ улучшенія нашей жизни, мы возвысили голосъ о своей нуждѣ и вотъ, насъ объявили внутренними врагами и вмѣсто улучшенія жизни, выслали намъ 600 казаковъ. Вотъ чѣмъ удовлетворили наши справедливыя и законныя требованія! Съ насъ берутъ налоги и тратятъ, а гдѣ и какъ тратятъ, объ этомъ никто насъ не спрашиваетъ. Возьмемъ напримѣръ настоящую войну (съ Японіей) и послѣдствія ея: сколько богатства, сколько жертвъ она потребовала съ насъ и—что-же? Развѣ какими либо новыми потребностями жизни была она вызвана? Имѣли ли мы что либо спроное съ японцами? Знаютъ ли наши братья, для чего они порливали кровь? Нѣтъ, не знаютъ, потому что начальство въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ затемняло ихъ умы и вырабатывало изъ нихъ рабскія машины. Сколько жизней загублено! Сколько богатства потоплено было въ морѣ въ видѣ громаднаго флота, сколько милліоновъ рублей пропало! А чьимъ потомъ было собрано это богатство? Конечно нашимъ! Руками трудового народа!

Изъ рѣчи депутатовъ *с. Пигоити:*

Мы были освобождены изъ того рабскаго положенія, которое называлось крѣпостной зависимостью: она, по закону, отмѣнена. Но уничтожилась ли она на самомъ дѣлѣ? Помѣщики составили „уставныя грамоты" и лучшія земли оставили за собой, а негодныя и неплодородныя дали намъ съ тѣмъ, чтобъ мы выкупали ихъ потомъ въ теченіи десятковъ лѣтъ. Народъ тогда же понялъ эту махинацію, рѣшилъ возвратить утерянныя имущества и присягнулъ другъ другу для совмѣстной борьбы. Помѣщики немедля прибѣгли къ полицейской помощи и тогда, какъ теперь, также многіе пострадали. Отца моего арестовали и куда то сослали. Съ тѣхъ поръ онъ безслѣдно пропалъ и мы до сихъ поръ не знаемъ, гдѣ кончилъ онъ свою много-

страдальную жизнь. Какъ бы то ни было, но мы остались цѣлы, земля же осталась въ рукахъ помѣщиковъ и мы были вынуждены работать на помѣщичьихъ земляхъ: свободные на словѣ,—на дѣлѣ мы опять остались въ рукахъ помѣщиковъ. Работали мы за третью часть урожая, но что можно было сдѣлать съ этой третью?.. Помѣщики видѣли что не брать у нихъ земли мы не могли, иного выхода у насъ не было. Въ 1901 г. они на собраніи рѣшили повысить плату а взятую у нихъ землю: съ хорошей земли брать половину сбора,. а съ плохой—третью часть. Помимо этого прямого платежа, мы платили еще отъ 50 к. до 1 р. съ кцевы особаго налога, проводили канавы съ цѣлью осушенія почвы, строили заборы и кукурузники и часто еще ихъ же угощали. Долю помѣщика мы должны были прежде всего доставить ему на домъ, а свою приходилось бросать на произволъ судьбы. Часто бывали случаи, что наша доля урожая уносилась водой или же уничтожалась скотомъ. Словомъ, намъ не перечесть, сколько обязанностей приходилось нести по отношенію къ помѣщикамъ и только голодъ и страданія нашихъ женъ и дѣтей вынуждали насъ при такихъ условіяхъ работать на помѣщичьей землѣ. Въ первый годъ мы согласились съ постановленіемъ помѣщиковъ и обрабатывали ихъ поля, но жизнь показала, что на такихъ условіяхъ нельзя продолжать работу; мы постановили не работать, если помѣщики не облегчатъ намъ условія. Такъ возникла настоящая борьба...

Когда въ 1901 году помѣщики устроили стачку для повышенія цѣнъ, они встрѣтили одобреніе и поддержку со стороны администраціи и полиціи, когда-же выступили мы, также со стачкой, для защиты своихъ правъ, наша стачка оказалась преступленіемъ...

Изъ рѣчи депутатовъ *с. Аскана:*

Насъ, крестьянъ, кормильцевъ міра, поставили на зад-

ній планъ. Первыя и высшія мѣста заняли дворяне, князья и др. Почему это такъ? Почему крестьяне должны кормить этихъ дармоѣдовъ? На долю крестьянъ—трудъ и страданія, а имъ—господство?! Мы требуемъ, чтобы были упразднены сословныя привилегіи, чтобы не было ни князя, ни дворянина и крестьянина. Всѣ люди одинаковы и въ одинаковой жизни нуждаются. Сословія должны быть уничтожены и всѣ передъ закономъ должны быть уравнены.

—

Кромѣ простого изложенія требованій крестьянства и всесторонней, яркой обрисовки его положенія, въ рѣчахъ депутатовъ нѣкоторыхъ селеній давалась и общая характеристика движенія. Такъ, напримѣръ, въ упомянутомъ уже нами селеніи *Сурби* между депутатами и Гиреемъ имѣлъ мѣсто такой діалогъ:

Депутатъ. Сообщите намъ, пожалуйста, какъ поннмаетъ начальство наше движеніе?

Кр.-Гирей. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, а главнонача́льствующій думаетъ, что ваше движеніе вызвано матеріальной нуждой.

Депут. Я знаю, что правительственные чиновники распространяютъ среди солдатъ и въ народѣ нелѣпые слухи, будто мы хотимъ своего царя, особаго государства. Это неправда, это возмутительная клевета! Движеніе наше нераздѣльно связано съ рабочимъ движеніемъ. Кто бы онъ ни былъ и къ какой бы національности ни принадлежалъ трудящійся человѣкъ,—для насъ все равно; мы, какъ и всѣ русскіе рабочіе, боремся съ существующимъ строемъ; мы должны разрушить его, и на развалинахъ его создать строй новый, справедливый. Намъ всѣ рабочіе, безъ различія національности, братья. Интересы наши одинаковы.

Въ сильныхъ и рѣзкихъ словахъ выразилъ взглядъ пе-

редового крестьянства на современные политическіе порядки делегатъ *с. Нанейшвилисоули:*

Вы сказали намъ, что-бы мы, „потерпѣвши столько бѣдъ и мученій, еще немножко потерпѣли". Терпѣніе дѣло хорошее, но мы его уже потеряли! Мы отъ правительства ничего добраго не ждемъ. Неужели вамъ неизвѣстно, что то одно высокое лицо, которое по своему произволу правитъ государствомъ, никогда и не думаетъ о насъ? Оно рука объ руку идетъ съ нашими врагами. Оно издаетъ законы, совершенно не справляясь съ нашими нуждами. Мы знаемъ, что удовлетворить наши требованія, это значитъ, измѣнить весь существующій политическій строй. Да, мы знаемъ это и убѣждены въ своей побѣдѣ. Въ насъ нѣтъ и тѣни страха... Посмотрите на этотъ домъ; его выстроилъ рабочій: сперва онъ наложилъ фундаментъ, а потомъ возвелъ стѣны. Отнимите фумдаментъ и зданіе рухнетъ, многое въ немъ разобьется въ щепы и только кое что уцѣлѣетъ. Фундаментъ—это рабочій народъ. Все государство выстроено на его шеѣ и всей тяжестью своей лежитъ на немъ, но когда загрубѣвшая рука рабочаго зашевелится,—прощай тогда все государственное зданіе! Выстроенный на его спинѣ дворецъ разлетится въ прахъ и похоронитъ подъ собой всѣхъ шпіоновъ и жандармовъ...

Депутатъ *с. Бахаи* закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ глубокимъ замѣчаніемъ:

Мы требуемъ, чтобы было созвано собраніе выборныхъ народа со всей страны. Только народные представители могутъ выразить потребность народа и только такому представительству мы будемъ довѣрять. Мы знаемъ, что странъ, которыя такъ управляются, много, знаемъ и то, что въ этихъ странахъ есть богатые и бѣдные, порабощенные и поработители. Это—капиталисты и рабочіе, которые ведутъ борьбу между собой. Такъ будетъ и съ нами. И

только послѣ уничтоженія капиталистическаго строя воца рится въ мірѣ равенство и счастье. Это наша дальнѣйшая цѣль.

Кромѣ названныхъ выше восьми селеній, Крымъ-Гирей бесѣдовалъ еще съ крестьянами селеніи Джварцхми и Эркети.

Сводя всѣ требованія воедино, мы получимъ слѣдующую программу, выставленную гурійскимъ крестьянствомъ:

1) Конфискація всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и передача ихъ въ безвозмездное пользованіе всего трудового народа.

2) Передача въ полное распоряженіе крестьянъ надѣльныхъ земель, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ. Земли эти должны перейти въ руки крестьянъ безвозмездно. Выкупные платежи, взятые съ крестьянъ, должны быть возвращены полностью.

3) Учрежденіе выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ для проведенія въ жизнь земельной реформы. Выборы въ комитеты должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными.

4) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога, причемъ доходы ниже опредѣленной нормы *) должны быть освобождены отъ всякаго обложенія.

5) Уничтоженіе сословій и установленіе полнаго равенства всѣхъ передъ закономъ. Свобода передвиженій и уничтоженіе паспортной системы.

6) Полная самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ и округахъ.

---

*) Во многихъ обществахъ такой высшей нормой свободнаго отъ обложенія дохода указывался доходъ въ 500 рублей.

7) Свобода слова и печати; свобода собраній, союзовъ и стачекъ; свобода совѣсти.

8) Неприкосновенность личности и жилища.

9) Выборность судей и отвѣтственность чиновниковъ передъ народомъ.

10) Уничтоженіе постоянной арміи и введеніе всеобщаго вооруженія народа.

11) Отдѣленіе церкви отъ государства. Содержаніе духовенства должно быть предоставлено тѣмъ лицамъ, союзамъ или обществамъ, которыя желаютъ пользоваться услугами духовенства.

12) Свѣтская школа. Устраненіе духовенства отъ дѣла обученія и воспитанія молодежи.

13) Обязательное обученіе дѣтей до 16-лѣтняго возраста: всеобщее, безплатное, безъ различія пола **).

Для созданія новаго государственнаго порядка въ Россіи, соотвѣтствующаго вышеуказаннымъ началамъ, крестьянство всюду высказалось за:

14) созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Затѣмъ, крестьяне требовали немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ, высланныхъ и сосланныхъ по политическимъ дѣламъ и пострадавшихъ за борьбу крестьянства съ помѣщиками и духовенствомъ.

Такова программа, которую увезъ съ собою, въ записяхъ секретаря, Крымъ-Гирей. Уѣзжая, онъ обѣщалъ сдѣлать все, „зависящее отъ него“, для удовлетворенія предъявленныхъ требованій, но крестьянство отлично понимало,

---

**) Какъ частное требованіе, которое можетъ быть осуществлено немедленно, многія общества требовали улучшенія быта учителей, повышенія платы и т. п.

чего ему можно ждать отъ правительственнаго чиновника. И оно, конечно, не ошиблось: спустя нѣкоторое время, крестьяне узнали, что Крымъ-Гирей возбудилъ передъ намѣстникомъ ходатайство—1) о замѣнѣ назначенныхъ старшинъ избранными самимъ народомъ, 2) объ открытіи 12 библіотекъ-читаленъ, закрытыхъ по постановленію правительства, 3) о возвращеніи высланныхъ административнымъ порядкомъ и 4) объ удаленіи изъ Гуріи войскъ.

Вотъ все, что нашли возможнымъ преподнести революціонной Гуріи представители правительства. Однако, и изъ этихъ четырехъ пунктовъ ходатайства Гирея намѣстникъ согласился лишь съ первыми двумя,—было снято запрещеніе съ закрытыхъ библіотекъ-читаленъ и удалены правительственные ставленники—старшины въ семи обществахъ Гуріи. Въ дѣйствительности-же, въ этихъ двухъ вопросахъ гурійское населеніе уже и не нуждалось теперь въ какихъ-либо „разрѣшеніяхъ" правительственной власти, такъ какъ на всей территоріи Гуріи всѣ мѣстныя власти въ это время потеряли уже всякое значеніе; народъ рѣшилъ въ открытую выступить съ своей собственной организаціей самоуправленія и устранить всякое вмѣшательство правительственныхъ властей въ его внутреннія дѣла. До того времени эта организація, частью еще не законченная, пряталась въ подпольѣ.

Мы уже говорили выше, что до пріѣзда въ Гурію Крымъ-Гирея—на станцію Нотанеби прибылъ генералъ Алихановъ съ войсками, артиллеріей и пулеметами; онъ стоялъ тамъ, пока власти выясняли „требованія" и, главное, настроеніе гурійскаго населенія. Результаты этого „изслѣдованія" оказались весьма неутѣшительными для правительства. Было ясно, что если „усмирять" крестьянъ силою оружія, то придется разрушить всю Гурію, придется брать съ бою каждое селеніе, каждую крестьянскую хижину. „Мы рѣшили бороться за свою долю до послѣд-

ней капли крови"—вотъ что приходилось слышать сплошь и рядомъ Крымъ-Гирею изъ устъ крестьянъ-депутатовъ.

Правительству приходилось подумать... Нужно принять при этомъ во вниманіе два обстоятельства. Правительство, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ сатраповъ, конечно, не остановилось-бы передъ полнымъ разореніемъ этого „революціоннаго гнѣзда", но этотъ разгромъ отразился-бы самымъ губительнымъ образомъ и на помѣщикахъ, которые надѣялись все-таки и въ будущемъ такъ или иначе поладить съ крестьянами и опять засѣсть на ихъ спины; вѣдь безъ этихъ „рабочихъ рукъ" имъ совсѣмъ нечего дѣлать въ деревнѣ, другія-же „руки" когда-то еще будутъ... Кромѣ того, въ это время почти всюду носились самые преувеличенные слухи о вооруженной силѣ гурійцевъ; очень многіе изъ непосвященныхъ въ внутреннія дѣла гурійской организаціи думали, что крестьянство и гурійцы-рабочіе изъ ближайшихъ городовъ въ одинъ мигъ могутъ выставить до 20 тысячъ хорошо вооруженной милиціи; относительно обученности ихъ военному искусству не было конечно и спора, потому что каждый гуріецъ съ дѣтскихъ лѣтъ уже привыкъ обращаться съ ружьемъ. Такое представленіе о силѣ гурійцевъ, при наличности рѣзко революціоннаго настроенія всей страны, способно было, конечно, сдержать воинственный пылъ храбрыхъ военачальниковъ самодержавнаго правительства.

По отъѣздѣ Кр.-Гирея войска, во главѣ съ Алихановымъ, были передвинуты со станціи Нотанеби въ центръ Гуріи — въ г. Озургеты, но лишь затѣмъ, чтобы снова остаться здѣсь на долгій срокъ въ полномъ бездѣйствіи. Понятно, конечно, что сосѣдство такой крупной вооруженной силы было постоянной угрозой для населенія Гуріи, занятаго мирной перестройкой всего уклада своей жизни. Гурійскій Комитетъ принялъ поэтому всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ избѣгалъ открытыхъ столкновеній и на-

оборотъ—старался перетянуть солдатъ на свою сторону. Вскорѣ удалось завязать дружескія связи среди солдатъ и устроить среди нихъ нѣчто вродѣ военной организаціи. По приглашенію Комитета изъ разныхъ мѣстъ прибыли въ Озургеты русскіе и армянскіе товарищи для болѣе успѣшной агитаціонной работы среди солдатъ. Начали съ устройства маленькихъ кружковъ, человѣкъ по 10—15; потомъ эти кружки насчитывали уже по нѣсколько десятковъ (40—50 чел.). Было устроено даже нѣсколько солдатскихъ митинговъ. Въ казармахъ въ большомъ количествѣ стали распространяться прокламаціи и воззванія къ солдатамъ. Передъ глазами солдатъ былъ живой примѣръ мирной культурной работы гурійскаго населенія надъ устроеніемъ своей жизни, опровергающій всѣ тѣ сказки о „врагахъ отечества", какими старалось одурачить ихъ, ведя въ Гурію, военное начальство. Поэтому-то языкъ листковъ и прокламацій былъ для нихъ вполнѣ понятенъ. Среди войскъ генерала Алиханова началось броженіе. Солдаты стали нарушать дисциплину, предъявляли къ начальству требованія объ улучшеніи ихъ быта и условій службы и пр. Ясно было, что, живя среди свободнаго народа, солдаты быстро стали сами пропитываться духомъ свободы...

По всѣмъ станціямъ жел. дор., въ предѣлахъ Гуріи, были также организованы солдатскіе кружки, которые по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ посѣщалъ пропагандистъ-агитаторъ, велъ бесѣду и раздавалъ литературу. Можно съ увѣренностью сказать, что если-бы правительство вздумало теперь натравить эти Алихановскія войска на Гурію, человѣкъ 800 безъ всякихъ колебаній перешли-бы на сторону народа.

Пришлось войска убрать подальше отъ гурійцевъ. Въ концѣ іюля Алихановъ покинулъ Гурію.

VI. Самоуправленіе Гуріи.

Руководимые Гурійскимъ комитетомъ Р. С. Д. Р. П., стотысячное населеніе Гуріи совершенно мирно и безъ всякихъ насилій, быстро и увѣренно провело въ жизнь идеи полнаго народнаго самоуправленія. Почти ежедневно въ деревняхъ происходили митинги, сходки, собранія, на которыхъ обсуждались и принимались мѣры устроенія различныхъ сторонъ внутренней жизни. Результатомъ этихъ собраній явилась слѣдующая организація Гуріи: ячейкой являлся кружокъ, состоящій изъ 10 и болѣе человѣкъ. Каждый кружокъ выбиралъ представителя-десятскаго. Десятскіе выбирали сотскаго, а сотскіе каждаго селенія—сельскаго представителя. Сотскіе и сельскіе представители выбирали общественнаго представителя. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ сельскими представителями выбирали районнаго представителя. Такихъ районныхъ представителей было семь, такъ какъ вся Гурія, состоящая изъ 25 сельскихъ обществъ, была раздѣлена на 7 районовъ. Нужно сказать, что съ этой чисто демократической организаціей была тѣсно переплетена организація партійная, соціальдемократическая. Такъ, изъ 7-ми существовавшихъ районовъ три района — хидиставскій, озургетскій и чохатаурскій— посылали своихъ представителей въ гурійскій комитетъ, такъ какъ выборщики въ этихъ районахъ были всѣ, безъ исключенія, соціальдемократы. Къ комитету же тѣсно примыкала периферія, состоящая изъ множества группъ пропагандистовъ и агитаторовъ, разсѣянныхъ по всей Гуріи. Изъ этихъ группъ Комитетъ подбиралъ себѣ новыхъ членовъ. Комитетъ пользовался въ Гуріи громаднымъ, вполнѣ заслуженнымъ вліяніемъ. Къ нему обращались при всякихъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ среди населенія, благодаря чему комитетъ принужденъ былъ выдѣлить изъ организаціи особую группу, въ вѣдѣніе которой входила вся область

практической жизни, связанной съ буржуазными основами всего строя, а самъ занялся исключительно пролетарскими, соціальдемократическими задачами.

До раздѣленія Р. С. Д. Р. П. на двѣ фракціи („большинство" и „меньшинство") всѣ представители, начиная районными и кончая десятскими, назначались комитетомъ, т. е. сверху, благодаря чему самоуправленіе сначала носило централистическій характеръ. Демократическій принципъ восторжествовалъ только послѣ того, какъ „меньшевики" явились преобладающимъ элементомъ въ организаціи. Въ общемъ трудно провести грань между сферой дѣятельности Комитета и сферой дѣятельности демократическихъ учрежденій, до того тѣсно были переплетены эти организаціи.

Высшимъ руководящимъ учрежденіемъ фактически являлось собраніе всего соціальдемократическаго коллектива (пропагандисты, агитаторы, районные представители и комитетъ). Собраніе это созывалось разъ или два въ мѣсяцъ. На этомъ собраніи намѣчался общій планъ дальнѣйшей работы и рѣшались важнѣйшіе вопросы.

Къ комитету примыкала и „военно-техническая комиссія", которая занималась доставкой оружія, обученіемъ дружинниковъ военному строю, организаціей ихъ и т. д.

Общественная жизнь въ Гуріи била ключемъ. Внѣшнимъ и самымъ яркимъ проявленіемъ развитія общественности являлись митинги, собранія и дискуссіи, устраиваемыя почти ежедневно. Происходило это такъ: секретарь комитета извѣщалъ районнаго представителя о днѣ, мѣстѣ и часѣ собранія. Районный представитель сообщалъ объ этомъ общественнымъ, эти — сельскимъ, сельскіе — сотскимъ, а послѣдніе десятскимъ. Въ назначенный день тысячи людей стекались со всѣхъ сторонъ на указанную площадь. Число присутствующихъ достигало часто 15—20 тысячъ человѣкъ. Такъ происходило при особо важныхъ явленіяхъ, напримѣръ: при дискуссіи двухъ фракцій, при деба-

тахъ съ соціалистами революціонерами или соціалистами федералистами, при обсужденіи важныхъ вопросовъ, касающихся всей Гуріи и пр.

Нужно замѣтить, что соціалистамъ-революціонерамъ и федералистамъ не удавалось никакъ пріобрѣсти довѣріе гурійцевъ, несмотря на ихъ энергичныя усилія. Федералистовъ народъ назвалъ клерикалами и встрѣчалъ ихъ ораторовъ весьма неодобрительно. Особенно возмущались гурійцы тогда, когда слышали рѣчи объ автономіи. Простые крестьяне съ успѣхомъ выступали противъ такихъ проповѣдниковъ. Слово „автономистъ“ гурійцемъ считалось оскорбительнымъ. Такія замысловатыя вещи, какъ разногласія между меньшевиками и большевиками тоже очень интересовали гурійцевъ. Цѣлые часы простаивали они, со вниманіемъ прослушивая рѣчи тѣхъ и другихъ, причемъ нерѣдко сами принимали активное участіе въ спорахъ. Собранія, менѣе многочисленныя, устраивались и пропагандистами каждый разъ, какъ только послѣдніе находили это нужнымъ. Не было случая, чтобы гурійцы отказывались посѣщать эти собранія. Да этого и не могло быть, ибо всѣ они жаждали знаній.

Народныя собранія служили одновременно высшей и послѣдней инстанціей, вѣнцомъ всего самоуправленія въ Гуріи. На этихъ то собраніяхъ и устанавливался, такъ сказать, основной экономическій и правовой строй жизни. Прежде всего были разработаны вопросы земельный, лѣсной и пастбищный и вопросъ о судѣ.

Земельный вопросъ. Помѣщики лишились своей власти, которая до того фактически была въ ихъ рукахъ. Войска бездѣйствовали; администрація и полиція чувствовали себя отвратительно и имъ было совсѣмъ не до того, чтобы вмѣшиваться въ дѣла крестьянъ съ помѣщиками.

Земли послѣднихъ фактически были отобраны крестьянами. Въ каждомъ селѣ была образована особая выборная

комиссія, которая распредѣляла всѣ, имѣющіяся въ наличности, земли между жителями села. Помѣщики, бывшіе владѣльцы, въ этомъ отношеніи также не составляли исключенія: они были вполнѣ уравнены съ крестьянами: всѣмъ давалось земли поровну. Послѣ съемки хлѣба эта комиссія обходила поля и опредѣляла, смотря по урожаю, доходность каждаго участка и назначала арендную плату сообразно съ этой доходностью. Эта плата доходила самое большее до 2 рублей за кцеву или около 5 рублей за десятину. Не во всѣхъ обществахъ, однако, придерживались денежной оцѣнки урожая; кое-гдѣ аренда опредѣлялась въ натуральной формѣ — самое большее седьмая часть урожая. Тѣ изъ домохозяевъ, на участкахъ которыхъ не было урожая, или сборъ былъ настолько скуденъ, что его хватало только на собственное продовольствіе семьи, освобождались совсѣмъ отъ всякаго платежа за землю. Были, конечно, случаи и столкновеній за право пользованія земельными участками, захваченными тѣмъ или инымъ обществомъ; крестьяне одного села, напримѣръ, не допускали до обработки земли своихъ сосѣдей, за что тѣ отказывали имъ въ пользованіи пастбищемъ или лѣсомъ. Однако, такіе случаи были довольно рѣдки; обычно для выясненія спорнаго вопроса созывались общія собранія спорящихъ селеній, гдѣ выбиралась комиссія для выработки условій соглашенія и установленія правъ спорящихъ. Такимъ образомъ споры быстро улаживались.

Пастбищный и лѣсной вопросъ. Пастбища всѣ были въ рукахъ казны и помѣщиковъ. Агенты той и другой стороны успѣшно пользовались безвыходнымъ положеніемъ гурійцевъ и драли съ нихъ за пастьбу скота втридорога. Теперь картина измѣнилась. Первымъ въ дѣлѣ реформы въ этой области выступило общество Бахви, а его примѣру послѣдовали и всѣ другія общества. Было постановлено не платить больше 10 копѣекъ за голову мелкаго

скота и 15 за голову крупнаго. Владѣльцамъ пришлось, конечно, согласиться съ этимъ. Для контроля по пастбищному вопросу была выбрана особая комиссія, которая обязана была слѣдить за выполненіемъ этого постановленія во время взиманія денегъ за пастьбу скота, а также и за пастухами-мингрельцами. Народъ рѣшилъ также принять мѣры для обузданія скупщиковъ одного изъ главныхъ продуктовъ скотоводства—сыра. До сихъ поръ въ этой области царила, такъ сказать, полная свобода торговли; сыръ скупался по селамъ гурійцами-купцами въ громадномъ количествѣ и затѣмъ перепродавался съ большимъ барышемъ, по высокимъ, конечно, цѣнамъ. Имъ сбывали свой сыръ также и скотоводы-мингрельцы, ведущіе свои стада въ Гуріи, зимой— въ долинахъ, а лѣтомъ—на горахъ. На народныхъ собраніяхъ было постановлено, чтобы каждый производитель сыра не могъ продавать въ однѣ и тѣ-же руки болѣе, чѣмъ на 5 рублей этого продукта; затѣмъ, были установлены предѣльныя цѣны, выше которыхъ не должна была назначаться цѣна фунта сыра, именно для коровьяго—выше 10 и для козьяго—8 копѣекъ. На обязанности комиссіи по пастбищному вопросу лежалъ и надзоръ за этой торговлей. Мѣрой наказанія за нарушенія выработанныхъ правилъ по охранѣ пастбищъ и пр. былъ признанъ главнымъ образомъ всесторонній бойкотъ личный и имущественный, и онъ оказался самой дѣйствительной мѣрой.

Всѣ лѣса также составляли собственность казны и помѣщиковъ. Теперь народъ наложилъ и на нихъ свою руку. Вмѣсто тѣхъ посредниковъ, прикащиковъ, которые такъ ревностно блюли интересы своихъ хозяевъ, была учреждена выборная лѣсная комиссія, на которую возложена обязанность надзора за правильностью использованія лѣсныхъ богатствъ. Многіе изъ старыхъ лѣсныхъ объѣздчиковъ, перешедшіе на сторону народа, были оста-

влены на своихъ мѣстахъ; немилосердно изгнаны были лишь тѣ изъ нихъ, которые отличались до того жестокостью по отношенію къ крестьянамъ-порубщикамъ. Но на объѣздчикахъ лежала теперь лишь одна обязанность: наблюдать на мѣстѣ за соблюденіемъ выработанныхъ комиссіей правилъ рубки лѣса и доносить ей о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Всякая порубка допускалась только съ разрѣшенія комиссіи, причемъ богатые платили за взятый лѣсъ извѣстную плату, бѣдняки-же пользовались лѣсомъ даромъ.

Судъ. По воскреснымъ днямъ каждое селеніе, по приглашенію сельскаго представителя собиралась въ извѣстномъ мѣстѣ. Избирался предсѣдатель, предлагавшій присутствующимъ заявить ему имѣющіяся у нихъ жалобы, претензіи и пр. Спорящія стороны выступали. Если примиреніе между ними, несмотря на усиленныя просьбы, не происходило, то назначался третейскій судъ. Если стороны не желали третейскаго суда, то общество само избирало особую комиссію для разсмотрѣнія возникшаго дѣла. Избранный судъ долженъ былъ черезъ 20 дней доложить общему собранію сельчанъ о производствѣ дѣла и свое рѣшеніе. Если стороны оставались недовольными, то дѣло рѣшало само общество, къ которому стороны апеллировали черезъ общественнаго представителя. Слѣдующей инстанціей являлась районная организація. Въ случаѣ неотложности дѣла назначалось экстренное собраніе. Въ случаѣ спора между двумя обществами созывалось общее собраніе, на которомъ присутствовали районный представитель и пропагандистъ. Подъ ихъ руководствомъ споръ рѣшался всегда скоро и удовлетворительно.

Въ случаѣ особо важныхъ преступленій собирались жители нѣсколькихъ районовъ и это народное собраніе рѣшало дѣло. Какъ на примѣры, укажемъ на джуматскій и хидиставскій процессы. Въ первомъ случаѣ былъ ограб-

ленъ Джуматскій монастырь на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тотчасъ собрался народъ, который избралъ слѣдственную комиссію. Послѣдняя занялась разслѣдованіемъ дѣла. О преступленіи была оповѣщена вся Гурія. Грабители были найдены и схвачены въ продолженіе какой нибудь недѣли. По окончаніи слѣдствія и опубликованія его было назначено собраніе, на которое собралось болѣе 6.000 человѣкъ. Оно должно было рѣшать дѣло. Довольно значительная часть собранія высказалась за смертную казнь. Пропагандистамъ и агитаторамъ пришлось много потрудиться, чтобы доказать, что смертная казнь является ненужной жестокостью, что свободный гурійскій народъ не можетъ взять на себя роли палача. Наконецъ, грабителей присудили къ заключенію въ монастырь на два года. Это считалось высшимъ наказаніемъ, такъ какъ гурійцы не любятъ поповъ и монаховъ и жизнь съ ними считаютъ невыносимой.

Затѣмъ рѣчь зашла о судьбѣ награбленнаго. Народъ заявилъ, что все монастырское имущество прежде было награблено монахами, обиравшими народъ, и потребовалъ, чтобы всѣ драгоцѣнности были переданы комитету, который долженъ на нихъ вооружить гурійцевъ. Комитетъ, однако, отъ этого дара отказался и посовѣтовалъ избрать особую комиссію, которой были бы переданы деньги и которая употребила бы ихъ на народныя нужды.

Хидиставскій процессъ возникъ изъ-за ограбленія дилижанса на Насакеральскомъ шоссѣ. Разбойники были схвачены. Ихъ судило Хидиставское общество.

Оно оправдало преступниковъ, найдя, что преступленіе ихъ является прямымъ слѣдствіемъ несовершенныхъ соціальныхъ условій, и взяло съ несчастныхъ честное слово, что они болѣе не будутъ заниматься такими дѣлами.

Нужно сказать, что съ введеніемъ самоуправленія

число преступленій достигло minimum'а, и кромѣ того, ни одинъ преступникъ не остался не разысканнымъ.

Школьный вопросъ. Несмотря на всѣ препоны, которыя ставилъ самодержавный режимъ развитію школьнаго дѣла въ Россіи, несмотря на всю казенщину въ дѣлѣ обученія молодежи, гурійцы сумѣли все-таки поставить его у себя на должную высоту, восполняя недостатки школы домашними средствами. Рѣдкій гурієцъ не знаетъ русской и грузинской грамоты, такихъ найдется всего процентовъ 5 или меньше. Озургетскій уѣздъ стоитъ въ первомъ ряду не только на Кавказѣ, но и большинства уѣздовъ Россіи, по количеству учащихся, сравнительно съ общимъ числомъ жителей.

Но все-таки это только лишь грамотность, знаній-же, къ которымъ такъ страстно стремились гурійцы, казенная школа не давала никакихъ. Учителя, которыхъ присылало имъ заботливое начальство, были сплошь и рядомъ людьми невѣжественными и мало пригодными къ тому дѣлу, которое поручалось имъ: многіе изъ нихъ были посажены сюда въ качествѣ проводниковъ обрусительной политики, другіе-же оказались позднѣе, когда народъ вступилъ въ борьбу за свободу, прямыми агентами полиціи.

Народъ рѣшилъ теперь покончить съ такой школой и отдѣлаться отъ такихъ учителей.

Когда правительство, послѣ январскихъ событій въ Петербургѣ, закрыло высшія учебныя заведенія Россіи, гурійцы также рѣшили закрыть всѣ свои сельскія и городскія школы. Съ развитіемъ самоуправленія школьный вопросъ былъ поставленъ на первую очередь. Во всѣхъ сельскихъ обществахъ подъ руководствомъ с.-д. организаціи былъ созванъ рядъ сходовъ для обсужденія этого вопроса и школа была быстро возстановлена. Всюду были избраны особые школьные комитеты, на которые и возложена забота о выполненіи воли сходовъ. Нужно было позаботиться о помѣщеніяхъ для школъ, изъ которыхъ мно-

гія пришли въ вѣтхость, опредѣлить расходы на содержаніе ихъ и на жалованье учителямъ, а также установить правильную раскладку расходовъ между жителями разныхъ селеній и т. д.

Комитетъ приглашалъ учителей по рекомендаціи „Союза учителей Кутаисской губерніи". Программа преподаванія была выработана педагогическимъ съѣздомъ въ Тифлисѣ, на которомъ участвовали и представители соц.-дем. комитета. Организованныя на этихъ новыхъ началахъ школы существовали до нашествія Алиханова въ январѣ 1906 г., когда вмѣстѣ съ возстановленіемъ старой власти, и школы должны были перейти къ казенному образцу.

Такимъ образомъ, благодаря своеобразному сочетанію нѣсколькихъ факторовъ, гурійское населеніе могло фактически отвоевать себѣ свободу въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія и совершенно устранить отъ всякаго вмѣшательства въ свои дѣла представителей правительственной власти. Эта возможность была обусловлена прежде всего причинами соціально-экономическаго характера. Мы уже указывали выше, что громадная часть гурійскаго крестьянства въ экономическомъ отношеніи подходила ближе къ типу сельскихъ пролетаріевъ, чѣмъ самостоятельныхъ хозяевъ. Эксплуатація со стороны землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и казны—была значительно сильнѣе и откровеннѣе. сравнительно съ эксплуатаціей промышленныхъ рабочихъ въ городахъ. Средній, зажиточный слой сельской буржуазіи въ Гуріи былъ развитъ очень слабо и потому вліяніе его на общій ходъ жизни земледѣльческаго крестьянства было ничтожнымъ. Вотъ почему демократическія и даже соціалистическія идеи нашли себѣ такой свободный доступъ въ головы широкихъ массъ населенія; притомъ-же проводниками этихъ идей въ массахъ были

главнымъ образомъ тѣ-же крестьяне, но только прошедшіе горнило городской выучки, именно промышленные рабочіе. Проповѣдь пропагандиста и агитатора - интеллигента попадала уже на подготовленную почву и потому давала такіе богатые плоды.

Затѣмъ, самый способъ борьбы какъ съ помѣщиками, такъ и съ правительственной властью обрекалъ этихъ послѣднихъ на полнѣйшее безсиліе, именно—пассивный бойкотъ. Что было дѣлать помѣщику, когда поголовно все населеніе заявляетъ ему: или получай десятую часть урожая за взятую у тебя землю, или-же она останется совсѣмъ пустою, къ ней не прикоснется ни одна рука? Что-было дѣлать полицейскому, чиновнику, судьѣ, когда къ ихъ помощи не желаетъ обращаться ни одинъ человѣкъ когда ихъ услуги совершенно излишни? Немногочисленная крупная буржуазія, конечно, охотно мирилась-бы съ этой „старой“ властью и пользовалась-бы ея услугами, но будучи связана тысячью нитей со всей массой населенія, съ этими „рабочими руками“, она не смѣла нарушать общаго рѣшенія; иначе—всесторонній бойкотъ грозилъ разрушить ея благополучіе.

Сила общественной солидарности была чрезвычайно велика; представители власти и военное начальство, пока Алихановъ стоялъ съ своими войсками въ Озургетахъ, чувствовали молчаливую ненависть къ нимъ народа всякій разъ, когда приходилось по разнымъ поводамъ попасть въ его среду.

Начало общественности было проведено всюду съ большой послѣдовательностью и это создало крѣпкія гарантіи отъ частныхъ правонарушеній со стороны членовъ общества. Предпринять частныя, личныя мѣры противъ такихъ правонарушеній — это было равносильно вторженію въ права общества въ цѣломъ. Крестьянинъ, выпускавшій свою лошадь на пасьтбу съ путами на ногахъ, несъ нака-

заніе, такъ какъ общество гарантируетъ ему цѣлость его имущества, если-же лошадь и будетъ украдена, то оно найдетъ виновника и подвергнетъ его должному наказанію... Эта мелкая иллюстрація прекрасно обрисовываетъ сущность создавшагося укладка.

VII. Засада и бой въ Насакерали.

Всеобщая октябрьская забастовка охватила всю Россію, возмущенную провокаторскими подвигами бюрократическаго режима. Въ воздухѣ запахло кровью. Двѣ враждующія стороны — правительство и народъ — готовились къ рѣшительной борьбѣ.

Маленькая Гурія, отрѣзанная отъ всего міра, нервничала. Революціонное настроеніе, царившее въ Россіи, проникло и сюда, точно электрическій токъ. Всѣ были увѣрены, что вотъ-вотъ наступитъ моментъ наивысшаго подъема революціи, моментъ баррикадъ, бомбъ, сраженій, какъ неизмѣнно рисовалось въ пылкой фантазіи гурійца то, что называлось словомъ „революція“. Нужно было подготовиться къ тому, чтобы изгнать окончательно изъ предѣловъ Гуріи тѣхъ, кто былъ все-таки постоянной угрозой новому порядку, а затѣмъ—помочь и другимъ въ трудной освободительной борьбѣ. Первый вопросъ, стоявшій на очереди, былъ вопросъ о вооруженіи народа. Осторожность, съ какою раньше вели свою работу гурійцы, начала уступать мѣсто иному настроенію. Къ полицейскимъ приставамъ съ ихъ командами были предъявлены требованія сдать оружіе народу, а самимъ убраться изъ предѣловъ Гуріи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оружіе было сдано. Въ с. Чохатаури пришлось силой брать квартиру пристава. Станъ былъ окруженъ небольшимъ отрядомъ дружинниковъ. Тринадцать стражниковъ и приставъ были обезоружены и взяты въ плѣнъ. Одинъ изъ стражниковъ вздумалъ было сопротивляться и былъ убитъ.

Вѣсть о такомъ положеніи дѣлъ внутри уѣзда дошла до уѣзднаго начальника. Послѣдній оказался въ очень скверномъ положеніи: онъ никакъ не могъ сообщить о чохатаурскомъ происшествіи куда слѣдуетъ. Два первыхъ посланца его были схвачены гуріицами, которые оцѣпили всю Гурію и не пропускали, что называется, ни коннаго, ни пѣшаго, казавшагося имъ подозрительнымъ. Были случаи, когда крестьяне арестовывали неизвѣстныхъ имъ пропагандистовъ и агитаторовъ, но ихъ конечно спускали. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, какому то гурію удалось все-таки добраться до Батума чрезъ Аджарскіе горы и донести о случившемся.

Время шло. Уѣздный начальникъ, желая сохранить хоть тѣнь уваженія къ власти, взялъ съ собой отрядъ въ 150 человѣкъ казаковъ и стражниковъ и отправился выручать плѣненнаго пристава. Со своимъ отрядомъ явился онъ въ Чохатаури. Тамъ ему сказали, что пристава увезли въ Суреби, а стражниковъ разсортировали по деревнямъ. Итти въ Суреби уѣздный начальникъ побоялся.

Походъ пристава съ казаками, однако, взволновалъ Гурію. Народъ требовалъ, чтобы его повели на казаковъ. Отовсюду собиралась молодежь. Прибыло даже 60 человѣкъ грузинъ-мусульманъ изъ Кобулети, тѣхъ самыхъ, которыхъ правительство еще совсѣмъ недавно натравливало на гурійцевъ.

Соціальдемократическій комитетъ рѣшилъ большинствомъ голосовъ не итти противъ народнаго желанія. Этого было достаточно. Дружинники, подъ предводительствомъ руководителей-агитаторовъ, заняли Насакеральское ущелье, чрезъ которое долженъ былъ возвращаться уѣздный начальникъ.

Черезъ это ущелье проходитъ узкая шоссейная дорога. Съ одной стороны ея высятся угрюмыя скалы, съ другой—

находится пропасть, на днѣ которой, шумя и пѣнясь, извивается рѣка Бахвис-цкали.

Со стороны пропасти, на ея отлогахъ, были устроены баррикады. На скалы взобрались бомбисты и расположились въ промежуткахъ баррикадъ.

Все это было устроено на протяженіи трехъ верстъ. До Озургетъ и въ другія мѣста были поставлены сторожевые посты, для поддержанія связи. Кромѣ того, во всѣ стороны были отправлены верховые курьеры для развѣдокъ.

Вся Гурія знала о готовящейся засадѣ. Женщины, дѣвушки толпами шли въ Насакерали, неся провизію своимъ мужьямъ и братьямъ. Онѣ шли съ радостными лицами и съ пѣснями. Отовсюду шли молодые люди съ кремневыми ружьями, сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ казаками. Хорошо вооруженныхъ дружинниковъ было здѣсь всего 30 человѣкъ, находившихся въ авангардѣ. Остальнымъ дружинникамъ не удалось сразиться, такъ какъ казаки не успѣли дойти до нихъ. Часть дружинниковъ заняла проходъ въ Кутаисъ на тотъ случай, если изъ Кутаиса двинутся войска на подмогу.

Во всей Гуріи не нашлось ни одного, который бы донесъ уѣздному начальнику о готовящейся ему встрѣчѣ, не смотря на то, что дружинники ожидали въ Насакерали 3 дня.

На третій день, вечеромъ, часовъ въ 9, развѣдчики прискакали на позиціи и сообщили, что вдали показалось какое то темное пятно. Дѣйствительно, скоро послышался стукъ колесъ и топотъ лошадей. Это ѣхалъ обозъ казачьяго отряда. За нимъ шли пластуны и затѣмъ уже ѣхали въ фаэтонахъ уѣздный начальникъ Лазаренко, мировой судья Пекарскій и всѣ чохатаурскіе чиновники, которыхъ Лазаренко взялъ съ собой. На позиціяхъ все смолкло. Было условлено сдѣлать такъ: пропустить весь отрядъ въ засаду и только тогда, когда въ нее достаточно далеко зайдетъ,

послѣдній человѣкъ изъ отряда, дружинникъ, стоящій на крайней позиціи, долженъ былъ выстрѣлить изъ ружья. Такъ все и случилось. Тишина ночи огласилась громкимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Тотчасъ же со скалы была брошена въ отрядъ бомба. Казаки, обозъ, чиновники въ страхѣ перемѣшались въ кучу. Поднялась невообразимая суматоха. Всѣ бросились обратно, но тутъ ихъ встрѣтила новая бомба и залпъ изъ ружей. Офицеръ скомандовалъ лечь. Полетѣла еще одна бомба.

„Спасайся, кто можетъ"—крикнулъ офицеръ. Часть казаковъ спустилась въ пропасть, перешла черезъ рѣку и поднялась на противоположную гору. Здѣсь они отстрѣливались цѣлыхъ два дня, пока не были перебиты. Часть укрылась въ лѣсу вмѣстѣ съ чиновниками и уѣзднымъ начальникомъ. Ихъ спасло войско, прибывшее на третій день послѣ сраженія. Нѣсколькихъ схватили въ деревняхъ и обезоружили. Жена Пекарскаго съ дѣтьми была остановлена по дорогѣ въ Чохатаури.

Въ этомъ сраженіи погибло до 70 казаковъ. Изъ гурійцевъ былъ убитъ одинъ, но самими-же гурійскими дружинниками—за то, что хотѣлъ снять съ убитаго казака новые сапоги.

Этотъ рѣшительный отпоръ вооруженной силѣ правительства страшно встревожилъ кавказскихъ властей. Примѣру гурійцевъ могли послѣдовать и другіе,—нужно было что-нибудь предпринять, но что можно было сдѣлать въ этотъ бурный моментъ? Насакеральское сраженіе происходило какъ разъ въ то время, когда былъ изданъ октябрьскій манифестъ о россійскихъ свободахъ. Это было время наибольшаго распада центральной правительственной власти, время наивысшаго подъема революціоннаго настроенія широкихъ массъ населенія, не исключая и буржуазіи. Что касается Кавказа, то движеніе еще съ весны захватило не одну только Гурію, но и цѣлый рядъ другихъ мѣст-

ностей—Мингрелію, Имеретію, Картолинію, Кахетію и друг. Всюду, начавши борьбою за землю, населеніе быстро перешло на путь политической борьбы. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ корреспондентъ „Б. В.“ изъ села Цхинвали, Горійскаго у., Тифл. губ.:

Нашъ уголокъ вмѣстѣ со всей Грузіей волнуется всѣми современными вопросами—національными, аграрными, политическими. Мудреное иностранное слово, прекрасно усвоенное нашими крестьянами—„бойкотъ“—дѣлаетъ жизнь деревенской администраціи и мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ положительно невыносимой. Ей грозитъ совершенное исчезновеніе за ненадобностью,—дѣлъ никакихъ. Положимъ, она ничего не дѣлала и въ былое благословенное, спокойное время, но тогда была хоть видимость, возможность бумажнаго дѣлопроизводства и, слѣдовательно, полученія жалованья, а теперь и писать нечего, когда крестьяне, вмѣстѣ съ бойкотомъ администраціи, ввели у себя свое собственное самоуправленіе, выбрали изъ своей среды начальство—тысячныхъ, сотенныхъ и десятскихъ головъ, которые и творятъ всякія малыя и большія дѣла: судятъ и управляютъ. У помѣщиковъ же отобрали всю домашнюю прислугу, рабочихъ; урожай гибнетъ на поляхъ, и прекрасныя княжны принуждены упражняться въ кулинарныхъ и прачешныхъ искусствахъ. Пришлыхъ рабочихъ гонятъ прочь, да и средствъ на наемъ ихъ у дворянъ не хватило бы при полномъ отсутствіи доходовъ съ имѣній. Впрочемъ, помѣщикамъ данъ выходъ изъ этого невеселаго положенія. Своимъ лозунгомъ крестьяне сдѣлали „эртоба“, что значитъ „единеніе“, подъ которымъ надо понимать и равенство, и братство, и совмѣстное стремленіе къ одной цѣли. Дворянамъ, желающимъ избѣгнуть бойкота, предлагается примкнуть къ этому „эртоба“, которое между прочимъ, требуетъ уступки въ собственность крестьянамъ надѣльныхъ земель, уступки въ даровое пользованіе лѣсовъ и пастбищъ, и довольствованія одной десятой долею урожая съ обрабатываемыхъ крестьянами помѣщичьихъ земель. Требованія, какъ видите, не изъ пріятныхъ для помѣщиковъ, но приходится соглашаться на нихъ всѣмъ тѣмъ, кто не имѣетъ свободныхъ фондовъ и не желаетъ умирать съ голоду. Вотъ почему „эртоба“ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ членовъ между помѣщиками, которые обязуются объявлять въ газетахъ о своемъ „эртоба“ съ крестьянами, вполнѣ понявшими и оцѣнившими силу прессы и общественнаго мнѣнія. Такъ обстояло дѣло до самаго послѣдняго времени, когда прошелъ слухъ о томъ, что правительство, внявъ мольбамъ бойкотируемыхъ, идетъ къ нимъ на помощь; что двое

блестящихъ генералъ-адъютантовъ изъ грузинъ, героевъ русско-турецкой войны, князья Чавчавадзе и Амилахвари, командируются: первый — для успокоенія Кахетіи, второй — Карталиніи; что они для этого везутъ магическія слова: выкупъ надѣльныхъ земель при помощи правительства, раздача мало-и безземельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель, которыхъ на Кавказѣ около 5 милліоновъ десятинъ, введеніе грузинскаго языка въ административныхъ учрежденіяхъ, суда присяжныхъ и другихъ культурныхъ нововведеній.

Слухи эти уже недѣли двѣ волновали населеніе. Наконецъ, 10-го іюля было объявлено крестьянамъ окружныхъ сельскихъ обществъ прислать выборныхъ въ м. Цхинвали для пріема князя Амилахвари, который и прибылъ 11-го. Въѣздъ князя въ сопровожденіи довольно внушительной военной силы былъ грандіозенъ. Друзья порядка возликовали. Князь довольно долго бесѣдовалъ съ выборными, просилъ передать народу его личную просьбу успокоиться, забыть всякое „ортоба" и тому подобныя фанаберіи. Выборнымъ приказалъ ѣхать въ Тифлисъ для представленія намѣстнику. Когда выяснилось, что многія сельскія общества вовсе не прислали своихъ уполномоченныхъ, то это крайне огорчило князя.

Во время этой мирной бесѣды съ выборными къ князю обратился одинъ дворянинъ, прося защиты отъ крестьянъ, которые грозятъ ему смертью. Генералъ и для него нашелъ слово утѣшенія, указавъ на аналогичное положеніе, въ которомъ самъ находится со дня своего бакинскаго генералъ-губернаторства, что, однако, его не ввергаетъ въ отчаяніе. Затѣмъ, дотронувшись до длиннаго кинжала, украшавшаго поясъ дворянина, князь сказалъ ему, что Богъ ему далъ правую руку, а правительство — милостивое разрѣшеніе носить оружіе, которое и должно являться въ данномъ случаѣ единственной его защитой.

Выполнивъ, такимъ образомъ возложенную на него миссію и вѣря во всеобщее успокоеніе, князь въ тотъ же день отбылъ изъ Цхинвали.

На другой день, когда депутація отъ крестьянъ, по приказанію князя Амилахвари, направилась къ г. Гори, во главѣ съ белотскимъ старшиной, то этотъ послѣдній былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья, направленнымъ неизвѣстной рукой.

Какъ видимъ, картина, въ общемъ, та-же самая, какъ и въ Гуріи. Условія борьбы этихъ народностей, конечно, были нѣсколько иныя, сравнительно съ Гуріей; населеніе послѣдней къ тому времени было уже значи-

тельно подготовлено какъ предшествующимъ опытомъ, такъ и усиленной пропагандистской и агитаціонной дѣятельностью соціальдемократовъ. Кромѣ того Гурія, окруженная со всѣхъ сторонъ горами—эта естественная крѣпость, какъ ее называютъ—была менѣе доступна карательнымъ набѣгамъ правительственныхъ бандъ.

Общій революціонный подъемъ былъ такъ великъ, что центральная власть Кавказа не рѣшилась на этотъ разъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Правда, Алихановъ былъ уже снаряженъ въ путь и двинулся съ войскомъ на Гурію, но онъ дошелъ только до станціи Самтреди,—дальше путь былъ испорченъ. Отовсюду раздался единодушный протестъ противъ этого новаго похода; пролетаріатъ Тифлиса, Батума, и другихъ мѣстъ, а также и сельскій пролетаріатъ и крестьянство—рѣшили отвѣтить открытымъ возстаніемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, разъ Гурія будетъ отдана на разграбленіе, и Алихановъ былъ вторично отозванъ.

Мало того, изъ Озургетъ былъ взятъ и тотъ отрядъ пластуновъ, который былъ присланъ сюда послѣ перваго отозванія Алиханова, въ августѣ мѣсяцѣ. Пластуны оказались совершенно отрѣзанными отъ внѣшняго міра и начальство сочло ихъ дальнѣйшее пребываніе въ центрѣ волнующейся Гуріи по меньшей мѣрѣ безполезнымъ и даже опаснымъ.

Какъ извѣстно, кутаисскимъ губернаторомъ въ это время былъ либеральный агрономъ изъ с. Квирили—г. Старосельскій, назначенный въ началѣ осени. Это назначеніе было уступкой широко разлившемуся движенію, съ которымъ нельзя было справиться при помощи голой силы; оно говоритъ о той растерянности, которая господствовала въ то время всюду въ правящихъ кругахъ, а также и о полнѣйшемъ непониманіи смысла происходящихъ событій. Что могъ сдѣлать даже самый либеральный изъ губерна-

торовъ, когда вся центральная власть находилась въ рукахъ все тѣхъ-же самовластныхъ бюрократовъ? Развѣ только одно: совершенно устраниться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь населенія, т. е. ничего не дѣлать.

Такъ, повидимому, и держалъ себя г. Старосельскій. Смѣлая выходка гурійцевъ при Насакерали испугала его и онъ рѣшилъ отправиться въ Гурію. Но гурійцы въ то время не пропускали къ себѣ ни коннаго, ни пѣшаго, разъ онъ не былъ извѣстенъ кому-либо изъ мѣстныхъ жителей, или не имѣлъ съ собою пропускного свидѣтельства за печатью с.-д. комитета. Такому „странному“ порядку пришлось подчиниться и губернатору. Былъ отысканъ какъ-то Кутаисскій комитетъ, который и послалъ по просьбѣ губернатора, своего дружинника въ Гурію съ вопросомъ— желаетъ-ли она пропустить къ себѣ губернатора? Гурійцы согласились. В. Старосельскій прибылъ сначала въ Чохатаури, но былъ направленъ отсюда въ Хидистави; здѣсь пришлось ему побывать на засѣданіи с.-д. организаціи (коллектива). Цѣлью его пріѣзда было—предостеречь гурійцевъ отъ такихъ насильственныхъ выступленій, какъ арестъ правительственныхъ властей и особенно какъ Насакеральское столкновеніе; онъ предупреждалъ, что при такомъ поведеніи населеніе Гуріи можетъ постигнуть самая серьезная кара и просилъ организацію въ этомъ именно миролюбивомъ духѣ вліять на гурійцевъ. Затѣмъ губернаторъ побывалъ въ Озургетахъ, далъ соотвѣтственныя инструкціи мѣстнымъ властямъ и, подъ охраной вооруженныхъ дружинниковъ гурійской организаціи, вернулся въ Кутаисъ. Это было въ концѣ октября мѣсяца. Спустя недѣли двѣ, въ срединѣ ноября, въ Гурію прибылъ вице-губернаторъ А. Кипшидзе, назначенный на эту должность вмѣстѣ съ В. Старосельскимъ. На станціи Нотанеби его встрѣтила гурійская вооруженная дружина, что нѣсколько

смутило либеральнаго начальника; однако, дружинники заявили ему: „пока вы будете у насъ въ Гуріи, мы будемъ сопровождать васъ всюду и слѣдить, чтобы какой нибудь хулиганъ не сдѣлалъ что-либо съ вами и не свалилъ потомъ на насъ-гурійцевъ“.

16 ноября Кипшидзе въ Озургетахъ обратился къ депутатамъ народа съ рѣчью и объяснилъ имъ цѣль своего пріѣзда: послѣ 17 октября, сказалъ онъ, въ Россіи учреждается новый политическій порядокъ и, слѣдовательно, отношенія между народомъ и правительствомъ должны измѣниться; вы, гурійцы, бойкотировали до сихъ поръ всѣ правительственныя учрежденія, но теперь это дѣло нельзя будетъ оставить въ старомъ положеніи; какъ нибудь оно должно быть урегулировано, иначе Гурію можетъ постигнуть крупное несчастіе...

Внимательно выслушали депутаты эту рѣчь и отвѣтили: мы готовы снять бойкотъ съ конституціоннаго правительства, суда и администраціи, но сомнѣваемся, чтобы прежніе чиновники могли честно выполнять манифестъ 17 октября; мы считаемъ необходимой смѣну всей мѣстной администраціи, начиная съ высшихъ и кончая послѣднимъ сторожемъ; народъ смотритъ на нее съ отвращеніемъ и ни за что не будетъ имѣть съ ней какое бы то ни было дѣло. Должны быть выбраны новые судьи и чиновники,—сознательные и проникнутые новымъ духомъ и направленіемъ. Народъ убѣжденъ, что чиновники, служившіе старому порядку, не способны ни усвоить, ни провести въ жизнь началъ свободнаго строя. Съ новой-же администраціей народъ примирится. Особенно важно, добавили депутаты, чтобы чиновники имѣли вполнѣ ясное понятіе о правахъ народа,—о свободѣ собраній, слова, печати, о личной неприкосновенности гражданъ и проч.

Далѣе Кипшидзе повелъ-было рѣчь о необходимости уплаты налоговъ, о выдачѣ рекрутовъ, но и въ этомъ по-

лучилъ отрицательный отвѣтъ отъ представителей народа.

На сценѣ опять появилась „почетная" дружина и проводила начальника до границъ Гуріи... Какъ видно, народъ, эти низы крестьянства и рабочіе, имѣли болѣе ясное представленіе о томъ, что такое конституція и какъ она создастся; и ему чужды были тѣ радужныя мечты, которыя лелѣяла послѣ выхода въ свѣтъ бумаги 17 октября либеральная буржуазія во всѣхъ углахъ Россіи. Нужно замѣтить вообще, что этотъ, забытый теперь уже, манифестъ былъ встрѣченъ гурійцами довольно хладнокровно и съ большимъ недовѣріемъ. На правительство не возлагалось уже ни малѣйшихъ надеждъ, въ немъ видѣли только врага народа и потому всякій актъ съ его стороны, особенно съ виду благожелательный, вызывалъ только подозрѣніе и новую осторожность. Отъ многихъ гурійцевъ можно было слышать въ то время, что манифестомъ дано значительно меньше, чѣмъ уже имѣли гурійцы; свободы они отвоевали себѣ энергичной борьбой, но кромѣ того они значительно реформировали и область экономическихъ отношеній въ деревнѣ, провели почти полностью начала мѣстнаго самоуправленія и т. д.

Многіе гурійцы прочли впервые манифестъ 17 октября на полѣ сраженія при Насакерали.

Итакъ, къ концу года, когда по всей Россіи шла отчаянная борьба съ самодержавнымъ порядкомъ и кровь пролетаріевъ лилась рѣкой, гурійцы оказались господами положенія въ своей маленькой странѣ. Въ концѣ ноября было рѣшено провести начала самоуправленія и въ мѣстномъ административномъ центрѣ, городѣ Озургетахъ. Небольшой гарнизонъ, оставленный тамъ властями послѣ отозванія пластуновъ, и мѣстная полиція не имѣли для гурійцевъ никакого значенія. И вотъ, въ одинъ прекрасный

день въ городъ прибыла масса крестьянъ и рабочихъ изъ окружающихъ селеній. Въ центрѣ города, на Мейданѣ, жители его, вмѣстѣ съ пришедшими, устроили громадное собраніе, на которомъ, послѣ обсужденія, было рѣшено смѣстить служащихъ по городскому управленію и избрать новыхъ лицъ. Правомъ голосованія пользовались всѣ присутствовавшіе взрослые граждане, безъ различія пола, религіи и національности; голосовали даже тѣ, кто прибылъ въ Озургеты всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. Выбраннымъ лицамъ даны были надлежащія указанія или инструкціи по разнымъ отраслямъ городского хозяйства и собраніе съ пѣніемъ пѣсенъ мирно разошлось.

Этимъ было закончено демократическое устройство мѣстнаго самоуправленія Гуріи.

Изъ Россіи, между тѣмъ, отовсюду шли самыя поразительныя вѣсти. Всеобщая желѣзнодорожная забастовка, рядъ вооруженныхъ возстаній въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ—въ Москвѣ, донецкомъ районѣ, Ростовѣ, Прибалтійскомъ краѣ и пр. Всѣ эти извѣстія доходили, конечно, до гурійцевъ въ самомъ отрывочномъ, часто — искаженномъ видѣ... Можно себѣ представить, какъ они дѣйствовали на ихъ пылкое воображеніе! Революція началась! Народъ возсталъ всюду и надо спѣшить помогать въ общей борьбѣ за свободу!.. Нужно также обезпечить и Гурію на тотъ случай, если въ этой открытой борьбѣ побѣдитъ старый порядокъ. Но для открытой борьбы необходимо оружіе.

Дѣло вооруженія народа вообще было очень плохо поставлено въ Гуріи. Мы уже указывали раньше, какіе преувеличенные слухи о вооруженіи гурійцевъ ходили повсюду *). Выходило такъ, что чуть не всѣ гурійцы воору-

*) Особенно старались на этотъ счетъ такіе органы печати, какъ „Новое Время“ и „Моск. Вѣд.“, которые всячески подзадоривали правительство на разгромъ этого „революціоннаго гнѣзда“.

жены винтовками и даже имѣютъ свои пушки, а ихъ дружина—это цѣлая армія... На дѣлѣ было не такъ. Въ эти бурные дни во всей Гуріи можно было найти какихъ нибудь тысячи двѣ ружей, годныхъ для боя, но изъ этого количества не всѣми можно было воспользоваться за недостаткомъ патроновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нужный моментъ Гурія могла-бы дать громадную армію храбрыхъ и искусныхъ борцовъ, желающихъ съ оружіемъ въ рукахъ постоять за свободу страны, за свободу всей Грузіи. Въ бурные дни гурійская дружина въ нѣсколько сотъ человѣкъ по первымъ, смутнымъ вѣстямъ бросалась въ разныя стороны на помощь борцамъ—въ Батумъ, въ Тифлисъ и пр., но благодаря отсутствію общаго, центральнаго руководства борьбой, ей ни разу не пришлось приложить свои силы, кромѣ м. Квирили.

Недостатокъ вооруженія приходится поставить въ вину мѣстной руководящей организаціи. Правда, существовала особая коммиссія, вѣдавшая это дѣло, но она почти цѣликомъ состояла изъ неспеціалистовъ, а главное—находилась въ полной зависимости отъ комитета. Существенная сторона, однако, не въ этомъ; никакая коммиссія не могла, конечно, снабдить оружіемъ весь народъ: это дѣло самаго народа. Гурійцы положительно рвались къ тому, чтобы какъ нибудь раздобыть вооруженіе. „Продамъ послѣдняго быка за ружье!“—вотъ что слышалось въ народѣ. Авторитетъ комитета былъ настолько силенъ, что безъ его разрѣшенія не предпринималось ни одного важнаго шага, но въ данномъ случаѣ отъ него, или хотя-бы отъ спеціальной коммиссіи, требовалось лишь общее руководство дѣломъ, само-же вооруженіе прекрасно выполнилъ-бы самъ народъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ с. Ланчхути было образовано товарищество, которое добыло кое-какія деньги и приступило къ организаціи собственныхъ мастерскихъ для выдѣлки боевыхъ ружей, но вмѣшательство нѣ-

которыхъ представителей организаціи затормозило все дѣло. Былъ и такой случай: организація соціалистовъ-федералистовъ доставила черезъ Черное море большое количество ружей (на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей) и выразила желаніе раздать ихъ народу, но это предложеніе было отвергнуто: комитетъ не пожелалъ, чтобы федералисты вооружили народъ. Несомнѣнно, что послѣдніе хотѣли такимъ путемъ пріобрѣсти себѣ расположеніе гурійцевъ, но столь-же несомнѣнно и то, что они ошиблись-бы въ разсчетахъ *). Предложеніе было отвергнуто, но мѣстной организаціей была послана дружина, чтобы отбить оружіе у федералистовъ силой: небольшая часть его была дѣйствительно взята, но громадная часть попала въ руки правительства.

Были и другіе случаи неудачнаго выступленія руководителей организацій, по крайней мѣрѣ нѣкотсрыхъ изъ нихъ, въ дѣлѣ вооруженія народа. Все это сильно огорчало гурійцевъ и мѣстами создало даже враждебное отношеніе ихъ къ своимъ идейнымъ руководителямъ. Съ какимъ отчаяніемъ говорили гурійцы въ дни разгрома Гуріи о томъ, что они принуждены быть теперь молчаливыми свидѣтелями варварскаго раззоренія родины, что они не могутъ съ оружіемъ въ рукахъ грудью своей постоять за нее...

Но пока волны революціоннаго движенія вздымались по всей Россіи и Кавказу, гурійцы могли быть спокойны за свою страну и съ тѣми вооруженными силами, какія были въ ихъ распоряженіи. Силы правительства были разбросаны по всей странѣ и ему приходилось ждать,

---

*) Мы уже говорили выше, что федералисты, какъ и другія партіи, кромѣ соц.-дем., не пользовались ни малѣйшимъ вліяніемъ среди гурійскаго населенія. „Федералистъ“ — это было ругательнымъ словомъ для гурійца.

когда хоть частью стихнетъ забастовочное движеніе, чтобы приступить къ расправѣ.

Въ декабрѣ всеобщая желѣзнодорожная забастовка пріостановила всякое движеніе по дорогамъ Кавказа. Поѣзда, какъ и въ остальной Россіи, пускались исключительно въ интересахъ общей борьбы и всѣмъ дѣломъ управляли выборные стачечные комитеты. Путь, ведущій изъ Тифлиса въ Батумъ, по границѣ Гуріи, былъ мѣстами разобранъ.

Но сила движенія стала уже стихать. Неудачный исходъ вооруженныхъ возстаній на югѣ и въ центрѣ Россіи сильно ослабилъ энергію борьбы. Наступили дни реакціи и карательныхъ экспедицій, дни, кровью записанные на страницахъ исторіи Россіи.

VIII. Разгромъ Гуріи.

Въ началѣ января 1906 года кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Алихановъ, который немедленно и направился туда изъ Тифлиса. Всему Кавказу была объявлена рѣшительная война, но первыми попали подъ ножъ палачей менѣе защищенныя его части, гдѣ движеніе не успѣло еще охватить всей массы населенія. Еще раньше въ Карталинію и Кахетію было послано довольно значительные военные отряды со всѣми аттрибутами, необходимыми для продолжительнаго военнаго похода. Затѣмъ, послѣ разоренія этихъ уголковъ Кавказа, войска двинулись въ Западную Гурію—Имеретію, Мингрелію и Гурію. Когда Алихановъ былъ еще въ Тифлисѣ, его посѣтилъ кутаисскій предводитель дворянства кн. Церетели; новый генералъ-губернаторъ рѣшительно увѣрялъ послѣдняго, что онъ совсѣмъ не намѣренъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, если, конечно, народъ выполнитъ его требованія, т. е. выставитъ рекрутовъ, уплатитъ налоги и проч. Войска-же, по словамъ генерала, посланы лишь для

того, чтобы возстановить движеніе по желѣзной дорогѣ. Такъ говорилъ генералъ, но вѣдь извѣстно, что значитъ „генеральское слово"...

6-го января войска двинулись, послѣ жаркаго боя, со станціи Михайлово къ ст. Ципа (Кутаисск. губ.). Отъ Варварина имъ пришлось уже идти пѣшкомъ, такъ какъ путь былъ частью разрушенъ, частью же загражденъ.

Нужно замѣтить, что вѣсти о прекращеніи желѣзнодорожной забастовки на Кавказѣ пришли въ Грузію и другія мѣста Западной Грузіи слишкомъ поздно, и потому, когда изъ Тифлиса двинулись уже по желѣзной дорогѣ многочисленные „карательные" отряды въ разныя мѣста, гурійцы еще продолжали свою борьбу. Смѣшанная дружина, пришедшая изъ Гуріи и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, перваго января напала на гарнизонъ въ Квирили и, послѣ небольшой схватки, разоружила его. Эта дружина и стояла теперь у ципскаго прохода и войска, двигавшіяся въ Гурію, не рѣшились напасть на нее; дружина также пропустила ихъ безпрепятственно, такъ какъ сила ея была не настолько велика, чтобы разсчитывать на успѣхъ при данной обстановкѣ.

Вѣсти о движеніи войскъ и о разгромѣ ими Восточной Грузіи дошли, между тѣмъ, и до населенія и оно массами стало скрываться въ горы, оставшіеся-же, изъ болѣе зажиточныхъ слоевъ, встрѣчали нерѣдко храбрыхъ военачальниковъ съ бѣлыми флагами и хлѣбомъ-солью.

Ципскій проходъ былъ занятъ, хотя и не безъ труда и дальнѣйшее движеніе войскъ оставляло послѣ себя сплошную полосу развалинъ и пепелищъ. На ст. Молиты было разстрѣляно нѣсколько человѣкъ. Въ Бѣлогорахъ казаки подожгли лавки и надъ мѣстечкомъ стоялъ громадный огненный столбъ; сожжено было до 30 лавокъ. На станціи Шаропани казаки, послѣ разграбленія, предали огню почти всѣ лавки и дома мѣстныхъ жителей.

Когда войска, во главѣ съ Алихановымъ, прибыли въ м. Квирили, населеніе, толпою тысячъ въ пять человѣкъ, съ бѣлыми флагами и иконами предстало передъ грознымъ генераломъ, чтобы просить его не опустошать ихъ края. Алихановъ спросилъ народъ, извѣстны-ли ему его требованія?

— Извѣстны, былъ отвѣтъ.

— Согласны-ли вы исполнить ихъ?

— Согласны!

Требованія были таковы: 1) уплатить казнѣ въ недѣльный срокъ 201.639 руб. 56 коп., взятые изъ мѣстнаго казначейства; 2) возстановить въ мѣсячный срокъ всѣ сожженныя зданія учрежденій и школъ; 3) уплатить всѣ налоги; 4) дать рекрутовъ и возвратить оружіе, отобранное у гарнизона; 5) удовлетворить немедленно дворянъ-помѣщиковъ за тѣ убытки, которые понесены ими въ предшествующее время; 6) возвратить всѣхъ арестантовъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы и 7) выдать всѣхъ агитаторовъ и главарей движенія.

Изъ толпы, однако, выступилъ ораторъ, который въ яркихъ краскахъ изобразилъ бѣдственное положеніе населенія и всю непосильность для него удовлетворить эти непомѣрныя требованія.

Алихановъ разсвирѣпѣлъ и, обратившись къ народу спиной, крикнулъ: „не позволять больше говорить со мной подобнымъ дуракамъ! До сихъ поръ говорилъ съ вами я, а теперь будутъ говорить ружья и пушки!“

И живописная мѣстность, на которой расположено м. Квирили, была скоро покрыта безобразной грудой пепла и развалинъ...

На станціи Свири было то-же самое и кромѣ того помощнику начальника станціи была отрублена шашкой голова. На ст. Аджамети были разстрѣляны 12 человѣкъ

делегатовъ стачечнаго комитета, и такъ далѣе—по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ побывали войска.

Несмотря на это, въ Кутаисѣ, въ годовщину кроваваго воскресенья въ Петербургѣ, 9-го января была объявлена всеобщая однодневная забастовка. Начальникъ гарнизона объявилъ, что онъ предастъ огню весь городъ, если черезъ два часа забастовка не прекратится; гражданскія власти всячески упрашивали рабочихъ подчиниться требованію начальника, но все было напрасно: забастовка все-таки прошла полностью. Въ полдень прибылъ въ Кутаисъ отрядъ войскъ; по улицамъ пошли патрули, начались обыски, а къ ночи начались поджоги и городъ пылалъ во многихъ мѣстахъ. 10 января губернаторъ Старосельскій созвалъ представителей сословій—дворянства, духовенства, крестьянъ и купцовъ—и просилъ ихъ помочь ему въ дѣлѣ успокоенія населенія губерніи. Представители изъявили полное согласіе, но съ своей стороны просили, чтобы населенію дана была возможность организовать свою стражу, на что губернаторъ согласился.

Однако, въ тотъ-же день Старосельскій и Капшидзе были потребованы Алихановымъ въ Квирили, а оттуда, подъ охраной, были отосланы въ Тифлисъ. Такъ кончилась эра „либеральнаго“ правленія въ Кутаисской губерніи; какъ только нѣсколько утихла гроза массоваго движенія пролетаріата, правительство заговорило съ народомъ языкомъ „ружей и пушекъ“.

10 января на ст. Нотанеби прибылъ полковникъ Крыловъ съ нѣсколькими тысячами солдатъ и казаковъ. Тотчасъ же по прибытіи они приступили къ обыскамъ. Всѣ лавки и дома были тщательно обшарены. Найденныя у жителей деньги и цѣнности, золотые и серебряные часы и другія, подходящія для легкаго сбыта, вещи были конфискованы. Послѣ обысковъ начался пожаръ. Сгорѣли всѣ лавки и дома. Человѣческихъ жертвъ не было.

На другой день, 11 января, войско, не встрѣчая никакихъ препятствій, направилось къ городу Озургеты. Навстрѣчу имъ изъ города были посланы депутаты для выясненія намѣреній правительства и причины прибытія войскъ. Полковникъ встрѣтилъ депутатовъ довольно мягко и заявилъ, что онъ не будетъ прибѣгать къ репрессіямъ.

Имъ были выставлены слѣдующія требованія:

1) Выдать агитаторовъ, дѣйствующихъ въ Гуріи. (Полк. Крыловъ прочелъ списокъ лицъ, подлежащихъ выдачѣ).

2) Выдать дезертировъ-солдатъ, скрывающихся въ Гуріи.

3) Уплатить до 1 февраля подати и налоги за прошлый и нынѣшній года.

4) Выдать все оружіе, имѣющееся въ Гуріи.

5) Произвести въ текущемъ году наборъ солдатъ.

Депутаты отвѣтили, что они сообщатъ объ этомъ народу, и выказали надежду, что по возможности всѣ требованія будутъ удовлетворены. Депутаты отправились въ городъ и успокоили напуганныхъ обывателей заявленіемъ Крылова, что онъ не будетъ прибѣгать къ репрессіямъ. Населеніе успокоилось и осталось въ городѣ. По прибытіи Крылова вечеромъ всѣ дома подверглись обыску и, какъ въ Нотанеби, повторилось разграбленіе цѣнныхъ вещей. Вслѣдъ за обыскомъ начался пожаръ. Сгорѣло въ эту ночь только 6 домовъ. Испуганные жители убѣгали въ лѣса и горы, и зарево пожара освѣщало ужасную картину ихъ бѣдствій. Нѣкоторые въ зимнюю стужу выбѣгали въ нижнемъ бѣльѣ и спасались такимъ образомъ. Говорятъ, много женщинъ и дѣтей погибло на дорогѣ отъ холода и голода.

Но особенно сильное волненіе вызывали слухи объ изнасилованіи женщинъ, оставшихся въ городѣ.

На другой день начался сплошной пожаръ. Сгорѣли почти всѣ дома и магазины.

Послѣ этихъ происшествій по всей Гуріи были собранія. На этихъ собраніяхъ выбрали по 10 депутатовъ отъ каждаго общества для переговоровъ съ полковникомъ Крыловымъ. Полковникъ ихъ принялъ очень холодно, повторилъ тѣ же самыя требованія и назначилъ срокъ для ихъ выполненія. Особенно онъ напиралъ на то, чтобы гурійцы выдали 3.000 винтовокъ съ патронами и револьверы. Депутаты отвѣтили, что они выплатятъ подати, но не сейчасъ, а когда будутъ въ состояніи, такъ какъ населеніе Гуріи въ настоящее время сильно бѣдствуетъ. Требованіе относительно набора солдатъ они обѣщались удовлетворить.

Агитаторовъ и дезертировъ, заявили депутаты, народъ не можетъ выдать, такъ какъ никто не знаетъ, куда они скрылись. „У васъ есть списокъ, ловите!" отвѣтили они.

Оружіе они обѣщали выдать, но только не въ такомъ количествѣ и при томъ не винтовки, а охотничьи ружья и берданки, имѣющіяся въ очень ограниченномъ количествѣ. Полковникъ Крыловъ категорически требовалъ выдачи 3.000 винтовокъ, на что одинъ изъ депутатовъ, почтенный старикъ, возмущенный такимъ требованіемъ, рѣзко отвѣтилъ ему: „Господинъ полковникъ, отберите у насъ все оружіе, дайте намъ 3.000 винтовокъ, отправляйтесь въ Нотанеби, прибавьте еще войска и попробуйте тогда вновь вступить въ Озургеты. Посмотримъ, какъ это легко вамъ удастся!" Полковникъ усмѣхнулся, зашелъ въ свой кабинетъ и, захлопнувъ за собой двери, не далъ депутатамъ никакого отвѣта. Послѣ переговоровъ полковникъ Крыловъ отправилъ часть своего войска въ Нагомари—центръ Гуріи.

Такъ началась оргія карательныхъ экспедицій по всѣмъ уголкамъ Гуріи. Трудно изобразить всю картину опустошенія страны; въ этой „работѣ" храбрыхъ военачальниковъ не было ни цѣли, ни смысла, ни какой-либо системы:

отряды двигались по завоеванной странѣ и переходили съ одного мѣста на другое, когда надоѣдало сидѣть или больше нечего было грабить. Самъ Алихановъ, въ докладѣ намѣстнику Кавказа 17 января писалъ: „По окончаніи съ дѣлами въ Шаропанскомъ и Кутаисскомъ уѣздахъ... получилъ докладъ изъ Гуріи, гдѣ полковникъ Крыловъ дѣйствуетъ образцово... Войска до сихъ поръ были разбросаны по всей губерніи, а теперь составлены четыре отряда — кутаисскій, губернскій, желѣзнодорожный и летучій, — которые и появляются тамъ, гдѣ это будетъ нужно".

Послѣ разгрома Озургетъ войска опустошили сел. *Нигвари*, гдѣ было сожжено около 200 домовъ и всѣ запасы хлѣба; многіе жители были убиты и искалѣчены.

Въ мѣстечкѣ *Лагоди* сожжено болѣе 40 домовъ, сожжены всѣ кукурузники съ запасами кукурузы —послѣдній источникъ пропитанія населенія. Послѣ разгрома начался голодъ.

Въ *Ланчхути* сожжено было около 30 домовъ, а также и кукурузники. Имущество жителей совершенно разграблено.

Въ *Чохатаури* сожжено 20 домовъ; имущество разграблено.

Отъ жителей *Ланчхути* Крыловъ потребовалъ выдачи одного гурійца, Цилосани, бѣжавшаго изъ тюрьмы, угрожая въ противномъ случаѣ совершенно стереть съ лица земли селеніе; жители рѣшительно недоумѣвали, въ чемъ ихъ вина, если правительство не сумѣло удержать имъ-же арестованнаго человѣка; угроза, къ счастью, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Крыловъ увидѣлъ, что выдачи руководителя, если-бы онъ даже находился въ данномъ мѣстѣ, ему никогда не дождаться отъ гурійцевъ. Ланчхути пострадало одинаково съ другими селеніями.

Звѣрствамъ и издѣвательству не было конца. Осо-

бенныя старанія были направлены къ тому, чтобы отыскать оружіе, скрытое яко-бы населеніемъ съ приходомъ войскъ. Были случаи (напр. въ окрестностяхъ Озургетъ) даже разрытія могилъ такъ какъ подозрѣвали, что гурійцы, подъ видомъ покойника, закапываютъ оружіе. Наглость руководителей „карательными" экспедиціями дошла до того, что въ концѣ февраля въ Озургеты со всѣхъ селеній было созвано по одному человѣку и имъ предложено подписать приговоръ такого содержанія: солдаты и казаки жителей не грабятъ и всѣ газетныя сообщенія о производимыхъ будто-бы грабежахъ и разбояхъ есть чистый вымыселъ... Депутаты селеній отвѣтили, что всѣ сообщенія въ газетахъ по этому поводу *вѣрны*, но, къ сожалѣнію, въ газетахъ не напечатано и десятой доли того, что творится въ Гуріи; они предложили затѣмъ доказать справедливость этихъ сообщеній газетъ путемъ свидѣтельскихъ показаній, но „каратели" не приняли этого предложенія,—имъ хотѣлось совсѣмъ не того...

Издѣвательство шло еще дальше. Озургетскій уѣздный начальникъ какъ-то разослалъ по деревнямъ циркуляръ, предлагающій населенію уѣзда „повергнуть къ стопамъ Его Величества всеподданнѣйшія чувства и просить прощенія за проступки, сдѣланныя подъ вліяніемъ нравственно-испорченныхъ и политически-неблагонадежныхъ лицъ" и проч. Никакого „адреса" сорвать съ гурійцевъ, однако, не удалось. Населеніе отвѣтило черезъ своихъ депутатовъ, что оно исполнило всѣ требованія, какія было въ силахъ исполнить, - оно ни разу не оказало сопротивленія властямъ и грубая вооруженная сила можетъ продолжать свое дѣло насилія и разрушенія.

Въ числѣ послѣднихъ понесли свою кару жители наиболѣе передовыхъ селеній — Хидистави и Сурεби. Эти мѣста издавна были отмѣчены начальствомъ, какъ гнѣзда

„крамолы"; въ движеніи послѣднихъ лѣтъ они дѣйствительно играли первую роль.

„Усмирители", однако, не рѣшались начать свое дѣло разрушенія Гуріи съ этихъ селеній, такъ какъ думали встрѣтить тамъ рѣшительный отпоръ. Теперь этого можно было не опасаться, такъ какъ вся остальная Гурія была покорена и не дала ни одного выстрѣла въ свою защиту.

На Хидистави было устроено Крыловымъ три набѣга. Въ первый разъ было сожжено много домовъ, причемъ въ выборѣ ихъ поджигатели-усмирители руководились спискомъ агитаторовъ, бывшимъ у Крылова. Самихъ этихъ „агитаторовъ" сыскать, конечно, рѣдко удавалось, такъ какъ большая часть населенія къ приходу поджигателей разбѣжалась въ разныя стороны. Во второй разъ, 11 марта, казаки и солдаты прибыли въ Хидистави съ особыми дрогами, предназначенными для нагрузки награбленнаго добра. Насиліямъ и издѣвательствамъ не было конца. Крыловъ потребовалъ даже, чтобы хидиставцы сами разрушили свои дома въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, грозя въ противномъ случаѣ спалить все селеніе до тла; жители совершенно растерялись: спасать-ли тѣ остатки имущества, которые были еще въ избахъ, или разрушать самыя избы? Но это было лишь простымъ издѣвательствомъ надъ беззащитнымъ населеніемъ. Казаки съ гикомъ и свистомъ носились по селу, избивая нагайками всякаго, кто попадался на глаза. Плачъ женщинъ и дѣтей, стоны и проклятія мужчинъ, гиканье разнузданной шайки грабителей и зарево пожаровъ—вотъ картина этихъ дней.

Для большей потѣхи казаки приказали жителямъ избирать уполномоченныхъ для выборовъ въ Гос. Думу, причемъ указали своего кандидата...

23 марта карательный отрядъ въ 300 человѣкъ, во главѣ съ Крыловымъ, съ пушками прибылъ въ м. Суреби.

Еще раньше къ жителямъ этого общества Крыловымъ были предъявлены требованія: выдать властямъ по винтовкѣ съ дома, 2 пушки, 200 бомбъ, 5 агитаторовъ-пропагандистовъ, всѣхъ милиціонеровъ и уплатить налоги и недоимки.

Такова своеобразная контрибуція, которою должны были откупиться отъ разоренія жители Суреби. Но, очевидно, что они не удовлетворили этихъ требованій, да и не могли ихъ удовлетворить, такъ какъ нельзя выдать того, чего нѣтъ; теперь, съ приходомъ войскъ, они подверглись страшнымъ гоненіямъ. Мѣстечко было совершенно разграблено и частью сожжено. Это былъ настоящій непріятельскій набѣгъ, со всѣми его ужасами.

Крыловъ все-таки рѣшилъ розыскать милиціонеровъ и съ этой цѣлью часть его отряда, съ пушками, двинулась въ суребскій лѣсъ, но гористая мѣстность не позволила отряду добраться до назначеннаго пункта. Лѣсъ былъ обысканъ небольшимъ пѣшимъ отрядомъ, но милиціонеровъ нигдѣ не оказалось.

Вотъ краткія черты картины разрушенія, которому подверглась Гурія со стороны войскъ и казаковъ. Для большей полноты ея приведемъ еще слова генерала Алиханова изъ его доклада намѣстнику; онъ писалъ:

„Въ кутаисской губ. войско не сжигало ни одного дома и всѣ жалобы на него есть преступная клевета, вымышленная врагами порядка; они стараются свалить на войско всю вину въ несчастіяхъ народа и сдѣлать его отвѣтственнымъ за всѣ, бывшіе въ Кутаисской губ., разбои, грабежи и поджоги..."

Ему нѣтъ дѣла до того что тысячи, десятки тысячъ людей были свидѣтелями этого разрушенія, этихъ поджоговъ; тысячи людей остались безъ крова, безъ куска хлѣба, чистыми голышами, потому что все, что у нихъ было, сожжено казаками и солдатами по приказу Кры-

лова и Аликанова. Были случаи, когда наблюдалась даже какая-го планомѣрность въ поджогахъ; въ селеніи Парцхма офицеръ былъ такъ „благороденъ“, что успокоивалъ нѣкоторыхъ, говоря: не спѣшите, вы успѣете вытащить свои пожитки, поджигать будутъ не съ вашего конца...

Гурійскій народъ понесъ страшную кару за свое стремленіе къ свободѣ, за попытку устроить свою жизнь по своему. Но это не сломило его духа. Этотъ горькій опытъ только еще разъ, и надо думать послѣдній разъ, подтвердилъ тотъ выводъ, который сдѣлалъ онъ еще раньше, идя по своему трудному жизненному пути: только съ полнымъ уничтоженіемъ самодержавія и съ созданіемъ вполнѣ демократическаго строя въ Россіи возможно будетъ мирное развитіе жизни; только тогда будетъ разчищенъ путь для успѣшной борьбы за лучшую долю трудящихся. Это знали гурійцы и раньше: теперь они собственнымъ опытомъ узнали еще то, какихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ воспитываетъ на своей груди самодержавная монархія, какъ безпощадно мститъ она за свое временное пораженіе; имъ стало ясно, что только въ дѣйствительной, вооруженной силѣ они могутъ найти опору въ своей дальнѣйшей борьбѣ за свободу страны.

Съ другой стороны, опытъ предшествующей борьбы и тяжелые дни разоренія дали возможность наиболѣе сознательной, пролетарской массѣ населенія отличить своихъ истинныхъ друзей отъ сомнительныхъ элементовъ и выяснить всѣ недостатки организаціи революціонныхъ силъ. Теперь всплыли на поверхность тѣ подонки помѣщичьей среды и духовенства, которые раньше, въ дни полнаго господства народа, притворялись его друзьями и на народныхъ собраніяхъ нерѣдко заявляли себя даже соціальдемократами. Въ дни реакціи и господства нагайки

многіе изъ помѣщиковъ занялись пропагандой нововременскаго патріотизма; была даже основана партія „истинно-грузинскихъ людей“ по образцу „истинно-русской“, партія погромщиковъ, шпіоновъ и провокаторовъ. Однако, эти „истинно-грузинскіе люди“ тоже ошиблись въ разсчетахъ: временный успѣхъ сгнившаго самодержавія они приняли за конецъ революціи и поторопились показать свою настоящую шкуру. Во главѣ этой „партіи“ стоятъ: бывшій монахъ Мельхиседекъ Накашидзе и мировой посредникъ въ Гуріи Никоки Такайшвили (братъ извѣстнаго елисаветпольскаго погромщика).

Къ предстоящему подъему революціонной волны въ Россіи и разоренная Гурія снова собираетъ свои силы, сзываетъ разогнанныхъ сыновъ своихъ; и нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ находиться въ переднихъ рядахъ въ этой общей борьбѣ за свободу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Экономическое и политическое положеніе крестьянства. . .	5
II.	Волненія въ Батумѣ и неурожай 1901 года; начало движенія.	10
III.	Уроки политическаго воспитанія.	17
IV.	Организація боевыхъ силъ; періодъ систематической пропаганды и агитаціи	22
V.	Требованія гурійскаго крестьянства	34
VI.	Самоуправленіе Гуріи	61
VII.	Засада и бой въ Насакерали	71
VIII.	Разгромъ Гуріи	84

Книгоиздательство „ЭПОХА“.

Поступили въ продажу:

1. Невскій сборникъ. Вып. 1-й . . . . . 70 к.
2. Захаровъ. Въ помощь читателю. (Систематич. указатель къ популярной литературѣ). . . . 8 к.
3. Д. Зайцевъ. Кризисъ и безработица . . . . . 8 к.
4. К. Марксъ. Критика готской программы Перев. Н. Алексѣева . . . . . 5 к.
5. А. Шлихтеръ. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи . . . . . 12 к.
6. Р. Люксембургъ. Чего мы хотимъ? (Комментарій къ программѣ с.-д. Польши и Литвы). . . . 17 к.
7. Карл. Каландадзе Вл. Мхеидзе. Очерки революціоннаго движенія въ Гуріи . . . . . 25 к.
8. К. Каутскій. О коммунистическомъ манифестѣ 3 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. Ж. Жоресъ. Интернаціонализмъ и Отечество.
2. А. Тадъ. Чартистское движеніе.

Главный складъ и контора книгоизд. „Эпоха“:

С.-Петербургъ, Невскій 172, кв. 15. Телефонъ 4402.

ОТДѢЛЕНІЯ:

СПБ-ргъ.—Книжный магазинъ „Трудъ“ Невск., 60;
—Центральный книж. складъ „Впередъ“—Гороховая, 9.

Москва—Книжный магаз. „Трудъ“,—Тверская, 38;
—Д. С. Больпинъ—Нижняя Кисловка, д. 5, кв. 7.

Вильна:—Книжный магазинъ Сыркина.

Лица, обращающіяся непосредственно въ главный складъ (Невскій 172, кв. 15) и высылающія на сумму не менѣе 2 р., за пересылку не платятъ.

Деньги просятъ присылать впередъ (можно и почтовыми марками).

Книгопродавцамъ обычная скидка.